

ГАЛИНА ВРУБЛЕВСКАЯ



ПОЛОВИНА ЛЮБВИ

РОМАНЫ О ВРЕМЕНИ И ЛЮБВИ

Романы и сборники малой прозы

Галина Врублевская

Половина любви

«Автор»

Врублевская Г. В.

Половина любви / Г. В. Врублевская — «Автор», — (Романы и сборники малой прозы)

ISBN 5-227-01780-8

Когда Игорь женился, Елене казалось, что небо упало на землю. Но жизнь сталкивала их с упрямым постоянством, а одна совершенно невероятная встреча несколько лет спустя толкнула в объятия друг другу Влюбленные решили соединить свои судьбы, но за несколько дней до свадьбы произошла трагедия.

ISBN 5-227-01780-8

© Врублевская Г. В.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	11
3	15
4	20
5	23
6	28
7	34
8	39
9	42
10	46
11	49
12	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Галина Врублевская

Половина любви

Часть первая

Львиный мостик

*Мне Брамса сыграют, – я сдамся, я вспомню
Упрямую заросль, и кровлю, и вход,
Балкон полутемный и комнат питомник,
Улыбку, и облик, и брови, и рот.*

Б. Пастернак. Годами когда-нибудь в зале концертной

1

Солнце светило ярко и свободно, создавая обманчивое впечатление лета. Но огненный шар висел по-осеннему низко и тревожил глаза водителей, как запретный знак светофора. Игорь опустил щиток автомобиля, спасаясь от назойливого светила, и откинулся на спинку сиденья. Опять затор! Перекресток Невского проспекта и набережной Фонтанки был привычным злом для петербургских водителей. Регулировщик пропускал поток машин вдоль проспекта и тормозил колонну автомобилей на набережной, будто хотел остановить течение реки.

Игорь не выносил вынужденного бездействия. Он крутанул руль своего темно-красного джипа, машина подпрыгнула, как горный козел, и въехала на тротуар. Какая-то женщина в светлом плаще испуганно отскочила в сторону, нелепо взмахнув сумкой.

Игорь обошел несколько машин и вновь ввинтился в законный ряд автомобилистов. Его инициатива словно послужила сигналом для всей колонны: машины рванули вперед, наращивая скорость.

Игорь Князев торопился в свою фирму, директором и владельцем которой он был.

Офис находился на Петроградской стороне, в одном из подвальных помещений на улице Бармалева. Здесь Игоря уже ожидал Леша Ерофеев – его помощник по всем направлениям. Направления были полуслепыми попытками Игоря укрепить свой бизнес. В последнее время он сосредоточился на книгоиздании и квартирных сделках. Годы реформ, сумасшедшие девяностые, дали простор инициативе. Ни сам Игорь, ни тем более Ерофеев не имели профессиональной подготовки в тех сферах, где сейчас зарабатывали деньги. Однако в жизненном багаже Игоря был кандидатский диплом физика. За плечами Алексея – десяток мастеровых профессий.

Офис представлял собой два небольших, полутемных помещения: кабинет директора и закуток для секретарши. Кабинет, где сейчас находился Алексей, более походил на захлащенный склад. Письменный стол директора да старый кожаный диван терялись среди груды издательского товара. До самого потолка возвышались кипы бумаги, припасенной для новых изданий. Полученные из типографии пачки книг были свалены у входа.

Алексей слегка покачивался на пружинах продавленного дивана и размышлял о том, как бы ему основать свой бизнес. Алексею уже перевалило за тридцать, а он все оставался мальчишкой на побегушках. Леша сгоняй туда, Леша привези это.

Взгляд Алексея упал на пачки нереализованных книг: «Лечение кипяченой водой». Этот товар завис (книготорговцы так и называли его «висло»), когда конкуренты выбросили на книжный рынок другое издание – «Лечение талой водой». Алексей знал, что Игорь опять обви-

нит его в нерасторопности. А что он мог поделывать, если книжный рынок ломится от подобной продукции. Толкать товар было нелегко. Зато как снабженец Алексей был незаменим.

Купить по сходной цене газетную бумагу, разместить заказ в дешевой типографии было для него раз плюнуть. Но лучше всего Алексею удавались сделки с недвижимостью. Он бы с удовольствием основал свою риелторскую контору, но без капитала шефа раскрутить такое дело было ему не по силам.

Алексей задумчиво ковырял пальцем маленькую дырочку в старой коже дивана, когда дверь офиса широко распахнулась.

– Ерофеев, опять сидим мечтаем? А «висляк» на месте, – констатировал шеф, заметив, что гора залежавшихся книг не убавилась. – Ты уже две недели тянешь с этой ерундой.

– Сделка сорвалась, оптовик отказался. – Алексей нервным движением руки пригладил русую челку. Эта челка и неловкий жест делали Алексея похожим на провинившегося, но бойкого пятиклассника. – Может, разменять часть тиража на что-нибудь подходящее? – предложил он.

– Делай как знаешь, только не тяни. А как у нас с коммуналками? – Игорь достал сигарету и закурил.

– На Лиговке дела – о'кей! Квартира свободна, можно передавать покупателю.

– Хорошо, Леша, комиссионные получишь, как договорились. А теперь слушай: поступил новый заказ: требуется приличная квартира в районе Коломны. Рекламу я беру на себя, а ты, как обычно, работаешь с народом.

Алексею предстояло поискать тех, кого одолевали жилищные заботы. А таких нынче было полгорода. Не мешкая Ерофеев снял со спинки стула свою кожаную черную куртку и вышел на улицу. Едва дверь за Алексеем со стуком захлопнулась, Игорь поднялся с кресла, оправил на себе свободный, вишневого цвета, пуловер и, включив беззаботную улыбку, шагнул в соседний с кабинетом закуток. Секретарша Юля сидела за компьютером, сосредоточенно играя в «тетрис», модную электронную игру этого сезона. Разноцветные кресты и загогулины размеренно падали в нескончаемо глубокий стакан на экране. Узкая, короткая юбочка сморщилась на бедрах девушки и обнажила сверкающие золотистой нитью колготки. Игорь отвел глаза от коленок Юли и залюбовался ее волосами. Роскошные, золотисто-рыжие пряди свободно раскинулись на белой шелковой блузке – костер на снегу. Сквозь тонкий шелк блузки просвечивала узкая лямочка бюстгалтера.

– Юля, ты уже набрала текст рекламы? – мягко поинтересовался шеф, подходя ближе.

– Вот блин, – обернулась Юля, и «теннисные мячики» ее груди вызвали мгновенную реакцию где-то в глубине живота Игоря. – Пока тружусь, как пчелка, никто не видит, а как «тетрис» запущу, сразу и начальство является.

Вопреки высказанной Юлей досаде, было очевидно, что шефа она ни капельки не боится. И смешно было бы бояться его после совместной поездки в Москву на книжную выставку. Теперь шеф стал для нее просто Игоречком. Все произошло для обоих неожиданно быстро. Юля действительно трудилась все три дня выставки, «как пчелка». Она звонила бесконечным поставщикам и дилерам, оформляла срочные договоры, варила для важных партнеров мгновенно исчезающий кофе. Окончание выставки Юля с Игорем отпраздновали в ресторане. Заключением приятного дня стала ночь в номере гостиницы.

По возвращении в Петербург между шефом и его сотрудницей сложились новые, близкие отношения.

Но близость эта не была равноценна для каждого из любовников. Все помыслы и надежды Юли теперь были наполнены Игоречком. Она, разумеется, знала, что Игорьку вот-вот исполнится сорок лет, что он женат. Но ведь он сам говорил в ту памятную ночь в гостинице, что очень несчастлив в семейной жизни... Игорь, в свою очередь, досадовал на свою опрометчи-

вость. Заводить роман в собственном офисе было рискованно. Его помощник, Алексей, приходился Игорю шурином, братом жены. И конечно, всегда держал сторону сестры.

– Текст готов. – Юля положила на край стола документ, напечатанный на типовом бланке с логотипом фирмы «Игрек» – латинской буквой «Y» в углу листа. Название фирмы было созвучно имени ее владельца.

Игорь мельком прочитал текст и вновь перевел взгляд на Юлю. Теперь девушка смотрела на него с откровенным призывом. Игорь наклонился и легко прикоснулся к губам Юли. В следующий момент он легко приподнял девушку и на руках понес ее в кабинет. Упругие «шарики» радостно упирались ему в грудь.

Игорь бережно опустил свою ношу на старый кожаный диван и привычным движением повернул в двери ключ.

Мгновение спустя комната наполнилась ритмичным скрипом изношенных стальных пружин. Наконец, сладкое, отупляющее спокойствие накрыло пару, как одеялом.

* * *

Постепенно холодные, трезвые мысли возвращались к Игорю. Зашнуровывая ботинок, он в который уже раз подумал: все, хватит, работа есть работа, а вслух сказал:

– Знаешь, малыш, хватит тебе секретарем в моем подвале киснуть. Я подыскал тебе место менеджера в одной фирме. Зарплата в два раза выше будет, чем у меня.

Юля состроила жалобную гримаску, отчего ее аккуратно выщипанные бровки убежали высоко на лоб.

Перспектива выбраться из этого подвала в красивый мир была привлекательна, однако как сложатся их отношения с Игорем?

– Но мы будем встречаться? – настороженно спросила Юля.

Игорь не успел ответить. В тот момент, когда он затягивал ремень на брюках, с лязгом открылась наружная, железная дверь. Всего пять шагов по узкому коридорчику – и лишь тонкая фанерная дверца, закрытая на ключ, отделяет вошедшего от уютного любовного гнездышка.

– Вы здесь, Игорь Дмитриевич? – послышался из коридорчика вкрадчивый голос бухгалтера Зинаиды Борисовны.

– Да, да, Зинаида Борисовна, – откликнулся Игорь, в спешке застегивая брюки и рубашку. – Сейчас открою.

Юля быстро юркнула в свой закуток, подхватив разбросанные туфли.

Игорь открыл дверь, впуская бухгалтершу:

– Такой сквозняк здесь при открытой форточке... – смущенно оправдывался он.

– Очень неудобное помещение, – подтвердила Зинаида Борисовна, отводя глаза в сторону. – Игорь Дмитриевич, я ездила в банк. Поступления на наш счет от НИИ «Магнит» прекращены. Три последних заказа не оплачены. Вы сможете выяснить, в чем дело?

– Да, я собирался к ним навеститься в ближайшее время.

– Хорошо. Игорь Дмитриевич, я пока квартальным балансом займусь, сентябрь на исходе. Какой компьютер можно занять?

– Садитесь за мой. Я сейчас еду в «Магнит», – ответил Игорь.

* * *

И снова Игорь Князев въехал на набережную Фонтанки, только теперь с другого конца. Здесь, неподалеку от цирка, находилось здание НИИ «Магнит».

Князев прежде работал в этом институте, но покинул НИИ задолго до того, как волна сокращений пронеслась по научным учреждениям. Ныне облик здания преобразился вопреки упадку института. Будто по мановению волшебной палочки старая, обшарпанная дверь превратилась в новую, с зеркальными стеклами. Исчезли стертые до вмятин серые ступени. На их месте сверкал белизной пьедестала полированный мрамор. Всей этой роскошью институт был обязан «Трансформбанку», арендовавшему помещения НИИ. Для Игоря совмещение банка и института было на руку. С бывшими сотрудниками его связывали деловые связи. Ныне издательство «Игрек» выполняло для «Магнита» заказ – готовило атлас карт магнитного потенциала Земли, а через банк Игорь проводил платежи своей фирмы.

Сейчас ему предстояло выяснить, почему прекращены поступления на его счет.

Попадая в полузабытый им мир науки, Игорь чувствовал, как оживает в нем бесполо-любопытный ученый, который, казалось, умер навсегда. Это чувство было ему приятно, но одновременно саднило душу.

Он вышел из джипа, быстрым шагом миновал нарядный вестибюль и свернул к черной лестнице.

Парадной лестницей теперь пользовались служащие и клиенты банка. Сотрудники института могли попасть на свои, верхние этажи только через запасной ход. Игорь не спеша поднимался по крутым и узким ступенькам. Щербатые ступени, выпавшие звенья ограждения, местами затянутые проволокой, отвалившиеся куски перил представляли удручающее зрелище.

Шестой этаж встретил его тишиной. Пустовала даже курилка на лестничной площадке. Никто не сновал с рулонами бумаги по коридорам. Под ногами Игоря натужно поскрипывал старый, разошедшийся паркет. Игорь толкнул дверь «своей» лаборатории и едва не споткнулся о порванный линолеум на пороге.

В комнате по-прежнему стояло около десятка старых канцелярских столов, хотя теперь здесь обитали лишь три человека. Игорь окинул быстрым взглядом помещение: его жена, Ольга, как всегда, отсутствовала на рабочем месте. Возможно, собирала подписи на поздравительном адресе для какого-нибудь юбиляра или выполняла другую общественную миссию. «Оно и к лучшему, – подумал Игорь. – Ольга всегда норовит навесить ему какое-нибудь поручение по дому». Остальные двое сотрудников были на месте. За вполне современным компьютером сидел сорокалетний инженер Святенко, которого все называли просто Шурик. Весь экран его компьютера был испещрен сложными, непонятными Игорю значками. «Да, отстал я», – с легкой горечью подумал Игорь, раньше возглавлявший эту лабораторию. На хлопок двери запоздалым эхом отозвался скрежет задвигаемого ящика письменного стола. Это скрывала свои «грехи» вторая обитательница комнаты – работающая пенсионерка Нина Георгиевна. Игорь усмехнулся: в недрах ящика у нее наверняка была спрятана недозволенная книга. Недозволенная, разумеется, лишь на рабочем месте. Поняв, что в комнату вошел не начальник, Нина Георгиевна безбоязненно вытащила из стола монографию Фрейда. Приход Игоря ее обрадовал.

– Добро пожаловать, Игорь Дмитриевич! А мы вас ждали! Когда же наши карты будут готовы?

Кстати, зачем вы, издатели, допускаете эти безнравственные издания? – Нина Георгиевна постучала костяшками пальцев по твердому синему переплету книги Фрейда. – Своим дочерям я бы не рекомендовала такое чтение.

Игорь развел руками. Пожалуй, великий психоаналитик прав, разделяя человека на «внутреннего и внешнего». Почему-то Нина Георгиевна не захлопнула книгу «безнравственного» автора на первых же страницах, но, замороженная его откровениями, продолжила чтение, что не мешало ей прилюдно осуждать книгу. Оставив без ответа ее замечание, Игорь пояснил причину своего визита:

– Ваши карты почти готовы, отправлены в типографию. Но институт еще не оплатил нам работу.

Вы не знаете, в чем дело?

Шурик завершил какие-то манипуляции на компьютере и обернулся к Игорю. Услышав его вопрос, он лаконично ответил:

– Госзаказа нет, финансирования нет, планов нет. Три месяца зарплату не платят, сидим на «простойных».

Сколько Игорь помнил Шурика, этого вечного мальчишка, у того всегда был философски-спокойный настрой. Он безмятежно наблюдал, как делали карьеру его друзья в прежние годы: защищали диссертации, добивались должностей. И нынче равнодушно взирал, как в поисках заработков металась те, кто еще недавно был на вершине успеха.

Идей у Шурика всегда было с избытком, но доводить их до результата он не умел. Ни одного прибора, внедренного в жизнь, за Шуриком не числилось. Но изученные на мехмате теоремы Коши, Фурье, Лагранжа и других классиков служили неиссякаемым источником для фантазий инженера.

«Его бы идеям да строгую оболочку», – подумал Игорь, вспомнив об одной общей с ним, так и не оконченной в связи с уходом Игоря, разработке.

– Но ты не огорчайся, – продолжал Шурик. – В другом месте отколется. Кто ищет, тот всегда найдет. Кстати, взгляни, что я в компьютере нарыл. Помнишь, мы с тобой обобщенный центр равновесия искали?

Игорь взял стул и подсел к компьютеру рядом с Шуриком. Тот вызвал программу, которая превращала экран в мерцающее звездами небо, лиловый макрокосм. Звезды не оставались на месте. Они кружились, вихрились в неведомом танце, постепенно образуя узор, похожий на спираль. Вначале спираль походила на ракушку, домик улитки. Казалась, и сама улитка, шевеля рожками, приветствует зрителей. Затем картина на экране менялась. Улитка уползала в самую глубину своей ракушки, постепенно сжимаясь сама и сжимая свой домик в жирную точку.

– Видишь ли, – пояснил Шурик, – это как бы модель закона жизни. Кажется, что устройство мира хаотично. Но это лишь на первый взгляд. Существуют особые точки, в которых случайности сходятся воедино.

– Так... Насколько я понимаю, это подтверждение того, что в просторечии называют Судьбой? – уточнил Игорь. – Кажется, что ты опутан хаосом, но жизнь ведет тебя к особой, заранее обусловленной точке. Скажем, к встрече с каким-то человеком или какому-то событию.

– В принципе так, – согласился Шурик, – хотя это и сильное упрощение. Смотри, мы вводим случайное воздействие, помеху, и местоположение точки меняется. Но пути все равно пересекутся.

Шурик набрал на клавиатуре компьютера какие-то значки, условно обозначавшие новые условия жизни.

Звездочки завихрились в другую сторону, но улитка вновь устремилась к центру ракушки, который утвердился уже на ином месте экрана.

– Если сверить мою жизнь с этим законом, – задумчиво произнес Игорь, – то сейчас ее можно изобразить в виде хаоса. Все вокруг меня крутится и пляшет. В бизнесе за одно-другое хватаюсь, в личной жизни сплошное мельтешение. Даже направление спирали еще не прорисовывается, и улитка не знает, куда ей ползти.

– Вот-вот, – подхватил Шурик. – Но это не только у тебя одного. Сейчас время такое. Хаос у всех и у каждого! Но точка стабильности существует, только мы ее пока не видим.

Шурик хотел показать еще какие-то картины моделей хаоса, но Игорь решительно встал:

– С тобой, приятель, не соскучишься, но извини, мне пора. Дела ждут.

Он вежливо попрощался с Ниной Георгиевной (та опять листала Фрейда) и быстро пошел к выходу, снова чуть не зацепившись за порванный линолеум.

Было ясно, что сотрудники не виноваты в задержке выплаты. Они не распоряжались деньгами. Директор НИИ тоже вряд ли выплатит долг. Пути безналичных денег были неисповедимы. Надо было искать другие способы, чтобы вытянуть из института деньги. Игорь спустился на парадный, второй этаж, где теперь размещался банк. Прежде вдоль широкого коридора была расстелена красная ковровая дорожка. На этом этаже размещались дирекция, профком и партком НИИ. Теперь ничего красного в коридоре не осталось. Пол радовал глаз светлым мрамором. Часть стен снесли. Все пространство занимал ярко освещенный операционный зал банка. Игорь миновал отгороженную стеклом стойку операционистов и прошел в служебное помещение. Здесь у него тоже были знакомые ребята. Вместе крутились на комсомольской ниве в студенческие годы. Бывший сокурсник Василий теперь руководил в банке кредитным отделом. К нему в кабинет и заглянул Игорь.

– Ну что тебе сказать, – выслушав Игоря, задумался Василий. – Есть одна неплохая схема. Институт выписывает на свой долг вексель, а банк приобретает его. Потом мы его обналичим и выплатим тебе определенную часть. Доход твой тут, конечно, слегка ужмется, но если не жадничать, свой навар получишь.

И институт не обеднеет, и остальные в выигрыше. На векселях сейчас весь бизнес в финансовом мире держится. С их помощью и собственность из рук в руки перетекает, как вода.

Выслушав совет Василия, Игорь повеселел. Несмотря на скромность дохода от этой сделки, ее безусловным плюсом была какая-то определенность. Операция с векселем давала уверенность фирме «Игрек» хотя бы на пару месяцев. А там еще что-нибудь подвернется: продажа недвижимости, контракт с книжным оптовиком. Главное – ловить момент!

2

Алексей действовал по четкому плану. Клиента интересовал район старой петербургской застройки:

Театральная площадь, канал Грибоедова и окружающие его маленькие улочки. Именно там Алексею следовало искать коммуналки, подходящие к расселению. Вначале он потолкался у пивных ларьков и завел там несколько полезных для дела знакомств.

Затем заглянул в сквер, окружающий Никольский морской собор.

Этот сквер, расположенный на юру – между деловой Садовой улицей и праздною Театральной площадью, – вызывал у случайного посетителя мысль о пересадочной станции, где никто долго не задерживается. И сейчас этот сквер заполняли «транзитники» – местные пенсионеры. Здесь они ненадолго сбрасывали со своих плеч тяжелый груз жизненных забот или обменивались ими друг с другом. Они готовились в неведомую для них дорогу, вехи которой просматривались отсюда. Достаточно было поднять голову и взглянуть на массивные колонны чугунной ограды, отделяющей общедоступный сквер от церковной территории, чтобы увидеть нечто необычное. На вершине колонн, как на постаментах, лежали морские якоря почти в натуральную величину. И эти поднятые высоко над землей якоря, казалось, были брошены невидимым небесным кораблем, терпеливо поджидающим своих матросов.

Алексей медленно прогуливался по широкой аллее, усыпанной желтыми кленовыми листьями.

Его взгляд не был устремлен в небо. Вертя головой то вправо, то влево, он незаметно рассматривал сидящих на длинных белых скамьях бабушек – потенциальных клиенток старательного маклера. Внимание Алексея привлекла одинокая дама почтенного возраста, читающая газету. Это была именно дама.

У Алексея не повернулся бы язык назвать ее старушкой. Наметанным глазом Алексей вычислил ее тщательно скрываемую бедность. На голове у дамы была застиранная белая панамка-«грибок». Выгоревший плащ (только по бокам еще сохранивший голубизну) и протертые старомодные сандалии, казалось, помнили свою хозяйку еще молодой.

На коленях ее лежала черная сумка с ручками, замотанными синей изолентой.

Алексей миновал даму-«грибок», прошел до конца аллеи и неторопливо повернул назад. У отмеченной им скамьи остановился и вежливо спросил:

– Не помешаю?

– Пожалуйста, молодой человек, садитесь, места всем хватит, – отозвалась пожилая женщина и перевернула страницу газеты.

Алексей мягко приземлился и пригладил набок свою непослушную челку. Немного помолчав, он спросил:

– Ну, что нового в граде Петровом? О чем сегодня в газетах пишут?

Сам Алексей газет никогда не читал и узнавал все новости по телевизору.

Соседка по скамье, обрадованная вниманием, сняла очки и стала пересказывать вычитанные ею в газете события. Слово за слово, и беседа перекинулась на ее собственную жизнь.

– Пенсия у меня минимальная. Я всю жизнь в школе проработала, учителем пения, на полставки.

С этого и пенсию начислили. Прежде я не бедствовала, и муж был жив, и сама подрабатывала: уроки музыки детям давала. А теперь восьмой десяток пошел, какие уж уроки, слух совсем ослаб.

– А дети что ж, не помогают?

– Детей, увы, Бог не дал.

– Соседи, поди, заедают? – посочувствовал Алексей.

– У меня отдельная, сама себе хозяйка.

«Вот так удача!» – подумал Алексей и тотчас дал ход назад. Он боялся излишней напористостью напугать обладательницу отдельной квартиры.

– Простите, вы, случайно, не в курсе, что сегодня вечером в Мариинке дают?

Театр оперы и балета, Мариинка, находился рядом, на Театральной, и вопрос Алексея был вполне уместен. Тем более, что старая дама была из музыкального мира.

– Увы, молодой человек, рядом живу, но не знаю, не ведаю. Я давно уж туда не хожу, там теперь такие цены на билеты, разве что иностранцам по карману.

– Я как раз думал жене подарок сделать к юбилею свадьбы, на балет сводить, – вдохновенно сочинял Алексей. – Вот сию, жду, когда касса откроется.

А что, если касса как раз в это время закрывается на обед, спохватился Алексей и, не давая «грибку» заметить свою оплошность, тут же продолжил:

– А как вы посмотрите, если я и вам куплю билет? Будете почетной гостьей на нашем маленьком семейном торжестве.

– Что вы, молодой человек, как можно. Я же вам совсем посторонняя. Нет и нет!

Дама гордо выпрямила свои ссутуленные плечи и откинула назад свою головку-«грибок». Из ворота выцветшего плаща выглянул легкий, в голубой горошек, шарфик. Точно такой же был когда-то и у матери Алексея, только та носила его на голове.

Воспоминание о матери вызвало новый поворот в его уговорах.

– Я вас очень прошу. Моя мама далеко, у жены матери давно нет, а так хочется, чтобы кто-то пусть не близкий, но душевный человек разделил радость нашего юбилея.

– Ах, – улыбнулась старушка дама, и ровный ряд белых, искусственных зубов озарил ее улыбку, – я вижу, мне придется согласиться. Но в таком случае, молодой человек, возьмите билеты на «Сильфиду». В ней отражена тайна нашей жизни: быстротечность и иллюзорность бытия. Я так раньше наслаждалась этим балетом!

Добившись ее согласия, Алексей вежливо представился. В свою очередь узнал, что даму зовут Наталья Валерьяновна.

– Ну, мне пора, Алеша, – сказала она, с трудом поднимаясь со скамьи и направляясь к выходу.

Алексей вызвался проводить ее до дома. Наталья Валерьяновна с благодарностью оперлась на его руку и, быть может, впервые подумала, как хорошо было бы иметь такого вежливого и отзывчивого, взрослого сына. Они вышли из сквера, почти сразу попав на Театральную площадь. Вначале, в булочной на углу, Наталья Валерьяновна купила себе половинку буханки, затем они вдвоем зашли в кассу Мариинки. В кассе билетов на «Сильфиду» не оказалось. Но стоящий рядом с кассой мужичок с небольшой наценкой продал Алексею три билета.

Один Алексей тут же вручил Наталье Валерьяновне.

Она убрала билет в мешковатую сумку и снова стала прощаться:

– Спасибо, Алеша. Вот как раз и ваш трамвай, прямо до метро довезет, а мне напротив, площадь перейти.

Но Алексей пересек вместе с ней Театральную площадь. Там, где площадь выходила одной стороной на канал Грибоедова, в угловом доме по набережной и жила Наталья Валерьяновна. Алексей завернул вместе с попутчицей под темноватую, с низким сводом арку. Другая, нависающая почти над головой, подворотня вела в отделенный от общего двора четырехугольный стакан-колодец. В это темное, тесное пространство и выходили окна квартиры Натальи Валерьяновны. «На этом пятачке и одна тачка не встанет», – подумал Алексей.

– Вон, на четвертом этаже мои апартаменты. – Наталья Валерьяновна указала рукой на два окна, скрытые в углу «стакана» за водосточной трубой.

«Да, двор неказистый. Потенциальные покупатели сразу запросят скидку, – заметил про себя Алексей. – Да и этаж высокий, а лифта, наверно, нет».

– Лифта небось нет? – спросил он сочувственно.

– Нет, – вздохнула Наталья Валерьяновна.

Она пересекла маленький дворик, вошла в обшарпанную дверь. И тотчас стала меньше ростом: уровень первого этажа был ниже двора. Сюда во время дождя могли затекать потоки воды. «Еще один минус», – заметил Алексей. Все же однокомнатная в центре была неплохой находкой. И кухня с окном.

Алексей решительно последовал за новой знакомой.

– Извините, Наталья Валерьяновна! Вы мне не разрешите позвонить от вас?

– С большим удовольствием, Алеша! Заходите.

Заодно и чайку попьем.

Наталья Валерьяновна, как многие творческие люди, была доверчивым и бесхитростным человеком.

На большинстве дверей, выходящих на лестницу, не было ни номеров, ни звонков, ни даже ручек.

По-видимому, ими не пользовались, так как в квартирах имелся парадный вход. В темноватом углу, на площадке, поблескивала зловонная лужа, испарения от которой ударили Алексею в нос. Перила лестницы были частью поломаны, частью погнуты, вероятно испытываемыми свою силу подростками. На площадке между этажами валялись разбитые шприцы, окурки, банки из-под пива. Повсюду настенные надписи: ругательства, витиеватые буквы названий популярных рок-групп и футбольных команд. Следы ночной жизни подъезда, не имеющей ничего общего с жизнью здешних обитателей, которым эта чужая безалаберная жизнь несла смутную угрозу.

«Да, лестница не в масть», – подумал Алексей. Он медленно переставлял ноги по ступеням.

Наконец, бряцая связкой ключей, Наталья Валерьяновна открыла два замка и пригласила Алексея зайти в квартиру.

Старый, намазанный желтой мастикой пол скрипел под каждым его шагом. «Паркет в плюс», – отметил про себя Алексей. Он вошел в кухню и выглянул в окно. Казалось рядом, только руку протяни, и коснешься окна на противоположной стене двора. Оно было плотно зашторено, и только тени, освещаемые электричеством, двигались за шторами.

Алексей отвернулся от окна и быстро осмотрел кухню. «Метров четырнадцать, большая», – прикинул он. Кроме газовой плиты и раковины, о кухне больше ничего не напоминало. Вся мебель была обычная, как в жилой комнате: стол, комод и маленький, со стеклянными дверцами буфетик. Наталья Валерьяновна пригласила Алексея в просторную комнату, которую, несмотря на дневное время, освещала нарядная, с хрустальными подвесками, люстра.

В узкое оконце, выходящее в угол двора, дневной свет почти не проникал. Квартира была неказистая, но могла пригодиться для квартирных маневров.

Алексей видимости ради позвонил по телефону, а хозяйка тем временем выложила на стол, покрытый пурпурной бархатной скатертью, большой старинный альбом с фотографиями и с удовольствием стала ему демонстрировать снимки своей молодости.

– А это мой племянник, – пояснила она, указывая на снимок мужчины в морском кителе. – Служит морским офицером на Дальнем Востоке. А прежде жил и учился здесь, в Ленинграде. Да, будь он тут, глядишь, и навел бы старуху. Иной раз хворает...

– А вы часто болеете? – оживился Алексей. Кажется, разговор сворачивал на нужную для гостя дорожку.

– Случается, но вообще-то я не люблю с врачами связываться, – с гордостью заявила Наталья Валерьяновна, – только начни, сразу ворох болезней отыщут.

– А как же вы тогда одна обходитесь?

– Почему же одна? Соседка навещает, еще женщина из собеса приходит, продукты носит. Справляюсь потихоньку, вот только мыться теперь тяжело стало: ванны нет, а до бани далеко-далеко добираться. Вообще-то у нас тут, на Фонарном, отличные бани, еще дореволюционные. Раньше я любила туда ходить...

– А вы, Наталья Валерьяновна, не хотели б в новый район перебраться? Я бы мог помочь вам подыскать квартирку, можно и с ванной, – перебил воспоминания старушки Алексей.

– Что вы, Алеша, я здесь почти всю жизнь прожила, здесь и умру.

– Ну, Наталья Валерьяновна, умирать вам рановато, на пенсии только и можно жизнью наслаждаться, – бодро сказал Алексей, решив про себя, что на первый раз, пожалуй, достаточно.

Он решительно встал и быстро попрощался с хозяйкой.

– А чайку-то, чайку не попьете? – причитала Наталья Валерьяновна, с сожалением прощая обходительного гостя.

Но у Алексея было еще много работы.

3

Елена шла по набережной Фонтанки, думая о своем. Она не замечала ни красивых особенностей по обе ее стороны, ни величия конных скульптур на Аничковом мосту, уже открывшихся ее взгляду. Не беспокоило ее и скопление машин перед Невским проспектом. Жители крупных городов привычно отключаются на улице от внешнего мира: слишком напорист натиск впечатлений. Елена работала рекламным агентом в газете «Хроника рынка», так что переходы и переезды на общественном транспорте занимали половину ее рабочего времени.

Судьба выбросила Елену из привычной колеи, как и многих других в начале перестройки. Елена попала в бурлящий водоворот новой жизни после тихого, спокойного НИИ «Магнит», где она десять лет проработала старшим инженером. Жизнь в НИИ еще тлела, но денег оставшиеся там работники почти не получали. Поэтому в институте держались в основном пенсионеры да жены обеспеченных мужей. О Елене и ее дочери заботиться было некому.

Муж два года назад уехал за рубеж, обещав помогать семье. Но регулярных поступлений от него не было. Елена сама зарабатывала на жизнь. Она так же успешно справлялась с работой агента, как прежде с научной. Большой удачей для Елены было то, что клиентов ей искать не приходилось. Они сами звонили в газету «Хроника рынка» и вызывали агента для оформления рекламы. Вот таким агентом по вызову она и являлась.

Почти сразу Елена поняла, что клиенты считают агента существом низшего сорта. Это проявлялось в их необязательности, в неуважении к ее мнению.

Вначале она переживала такое отношение к себе. Но затем научилась извлекать пользу. Она отделила себя от личины агента. Елена стала играть роль говорящей куклы, которую сама же дергала за ниточки. У рекламодателя при этом оставалась полная уверенность в своем превосходстве. Техническая же сторона работы: разработка текста объявления, слогана, рекламной кампании – Елене даже нравилась.

Но главной оставалась роль маленького человека, выйти из которой было невозможно.

Резкий поток теплого воздуха, сопровождаемый урчанием автомобиля, чуть не сбил Елену с ног. Испугаться она не успела, только нелепо взмахнула руками, едва не выронив сумку. Лишь увидев вихляющий зад красной машины, поняла, что была на волосок от неприятностей куда больших, чем задетый бампером ее любимый светло-голубой плащ.

Но солнце уже припекало по-настоящему, и плащ можно было снять. Елена свернула надорванный плащ и положила в свою необъятных размеров черную сумку, стараясь не помять лежащие в отдельной папке бумаги. На дне сумки в беспорядке перемешались разные женские мелочи и нужные вещи.

Елена свернула в ближайший переулок и скоро вышла на оживленную Садовую улицу. Дальше она рассчитывала подъехать трамваем. На остановке собралась большая толпа. Уже начали сгущаться вихри недовольства. То слышались хриплые тирады непечатных слов, то визгливые угрозы в адрес мэра и властей, которые не могут наладить работу транспорта.

Наконец подкатил трамвай, и толпа кинулась осаждать его. Елена, прижимая к груди свою огромную, мешающую в этой тесноте сумку, тоже стала пробираться к двери. Хитрость состояла в том, чтобы попасть именно в тот ряд, который медленно, но верно, сдавливаемый с двух сторон телами, ввинчивался в вагон. Елене повезло: наседавшие сзади парни крепко нажали и затолкнули ее в вожденную дверь. Едва Елена втиснулась на нижнюю подножку вагона, как дверь, натужно фыркнув, захлопнулась. Подсобившие ей парни остались «за бортом». На Сенной Елену вместе с выходящими пассажирами вытряхнуло на улицу и с новым потоком вновь занесло в вагон. Пока трамвай скрипел и дергался, огибая забор уже десять лет дряхлеющего на площади метростроительства, пассажиры постепенно утрамбовывались, завое-

вывая дефицитные сантиметры персонального места. Елена наконец сумела поставить на пол вагона вторую ногу, зажатую сплетением ног других пассажиров.

Она ехала в фирму «Тайные веда». Это был уже не первый вызов к экстрасенсам и ясновидящим. Но нынешнему визиту сопутствовал приятный момент – назначенная встреча с ворожеей Татьяной. Елена знала ее прежде, когда та еще не была ворожеей. Детми они жили в одной коммунальной квартире, здесь же, недалеко от Театральной площади. Потом жизнь развела их. И вот, спустя годы, они встретились вновь, когда Елена оформляла рекламу в этой фирме. Встреча оказалась радостной неожиданностью для них обеих. Но Татьяна была занята и не смогла как следует пообщаться с подругой детства. Сегодня же она специально оставила время для сеанса с Еленой. Елена не верила в магические ритуалы, но ее интересовали необъяснимые факты и скрытые возможности человека. Испробовать на себе работу мага было любопытно.

У Никольского собора из трамвая высыпали сухонькие старушки, торопившиеся на богослужение, и в салоне стало просторнее. Перед Еленой даже освободилось сиденье, и она, чуть поразмыслив, села. Оставалось проехать всего одну, но длинную остановку. «Следующая Театральная площадь», – объявил водитель.

Елена, присев, быстрым движением пальцев проверила наличие пуговиц – их могли оторвать в толчее. Слава богу, все были целы. Затем поправила сползший на лоб светлый беретик и полезла в сумку за пудреницей. И тут увидела на внешней стороне сумки прочерченный наискосок бритвенный разрез. Она беспомощно оглянулась, но рядом никого подозрительного не было. Неожиданно вспомнились парни, затолкавшие ее в вагон. Очень уж они старались «помочь» ей. Но, если это и была их работа, поймать их было уже невозможно. Елена с тревогой приступила к ревизии сумочки. Точно! Исчез кошелек. В нем были не только личные деньги, но и сумма, оплаченная предыдущей фирмой. Как она будет рассчитываться с рекламным отделом? Елена покачала головой и вздохнула. К счастью, агентское удостоверение и плоский, недавно купленный ею специально для новой работы калькулятор были на месте. Не пострадала и папка с бумагами.

Елена вышла из трамвая. С трудом сдерживая набегавшие слезы, она направилась в «Тайные веда».

Встретила ее сама Татьяна – в длинной черной юбке и накинутой на плечи шали, вязанной крупноячеистой сетью. Цыганские смоляные кудри, заколотые на висках, резко контрастировали со светлыми голубыми глазами.

Татьяна сразу уловила, по ее словам, коричневое поле подруги.

– Что случилось? Только не молчи. Молчание загоняет глубже все неприятности.

Елена показала Татьяне сумку и поведала о своих потерях.

Татьяна сделала медленные пассы руками над сумкой и в наступившей тишине, растягивая слова, проговорила:

– Это не просто случай. Это знак! Знак Судьбы, ведущей за собой. Тебя ждут, Леночка, большие перемены!

– Ты прямо настоящая колдунья, – грустно улыбнулась Елена, но тут же полюбопытствовала:

– Может, тебе известны и подробности «перемен»?

– Колдунья не колдунья, но экстрасенс-целитель я неплохой, что и сертификат подтверждает. – Татьяна показала рукой на стену, где в строгой рамке висело удостоверение. – Пойдем-ка в мою комнату, и ты обо всем узнаешь.

* * *

В чарующих нотках напевного голоса целительницы Елене вдруг почудилось что-то давно забытое, смешное. Она вспомнила, как в коммунальной квартире ее детства впервые появилась новая соседка.

Лохматая девчонка с черными неряшливыми кудряшками вышла в коридор. На ее плечи была накинута скатерть с бахромой, похожая на нынешнюю шаль.

Концы скатерти волочились за девочкой по полу. Леночка и Фимка, которым уже надоела игра в прятки, с любопытством уставились на нее.

– Как тебя звать? – тотчас спросил общительный Фимка.

– Татьяна Васильевна, – с важностью ответила девочка.

– Ты чья? – полюбопытствовала Леночка.

– Бабушки Кати, – охотно пояснила Танька и без перехода добавила:

– Давайте в дочки-матери играть, чур, я мама.

Леночка с завистью взглянула на почти настоящую шаль новой соседки. Ей самой не разрешалось играть с нужными вещами. Ладно, пусть Татьяна Васильевна будет мамой. Фимка, назначенный папой, был отправлен «на работу». Но он закапризничал, так как «работа» означала скучное пребывание одному в торце коридора, и отказался быть папой. Находчивая Татьяна Васильевна и тут нашла решение:

– Хорошо, я буду мать-одиночка, а вы оба мои дети, – и тут же с удовольствием поставила их обоих в угол.

Таня Одинцова стала верховодить в их ребячьей ватаге. Во-первых, она была старше, уже ходила во второй класс, в то время как Лена только готовилась поступить в первый, а Фимке предстояло оставаться дома еще целый год. Во-вторых, Таня имела опыт, который приобретают дети в трудных семьях. Уже позднее Лена узнала, что мать отказалась воспитывать Таньку, отослав ее к бабушке Кате. Но главное свойство Татьяны, определившее ее безусловный авторитет среди сверстников (и даже взрослых), было ее умение предвидеть события. Она знала, когда ее вызовут отвечать к доске, где спрятались дети, играющие в прятки, и прочее в том же духе. Бабушка Катя поведала соседям, что внучка, когда ей было пять лет, получила удар током. С тех пор за ней и стали замечать разные странности. Однако о магии девочка пока что не помышляла.

После восьмого класса Татьяна поступила в медицинское училище. Интересы девочек постепенно расходились. Остались лишь случайные встречи на общей кухне да редкие разговоры. Позднее Елена вышла замуж и уехала из квартиры. Татьяна Одинцова с замужеством не спешила. «Мне на роду написано одной жить, фамилия такая», – спокойно говорила она в ту пору, когда другие девушки мечтали о женихах.

* * *

В полутемной комнате, куда Татьяна пригласила бывшую соседку, было душно и сумрачно. Черный потолок, плотные черные портьеры и черный ковер на полу едва освещались круглым, серебристым, как луна, диском-светильником, укрепленным под потолком. Клиентам этот диск и казался луной. В центре помещения стояли два кресла, каждое, подобно трону, на небольшом возвышении. Они были повернуты друг к другу под небольшим углом так, как обычно располагаются на телевизионном экране ведущий и приглашенный, у которого берут интервью.

Татьяна предложила Елене сесть в любое кресло.

Елена выбрала кресло в тени светильника.

«Хочет скрыть свое лицо, – отметила Татьяна. – Значит, как и прежде, к откровенности не склонна».

Татьяне не требовалось освещения. Она могла и с закрытыми глазами видеть в потемках и даже прозревать вещи и события, скрытые от простых смертных. Она умела узнавать тайны других людей, лишь свое собственное будущее было ей неведомо. Татьяна настроилась на волну вибраций подруги. Ресницы Елены моргали часто и тревожно.

– Сейчас я введу тебя в транс. – Татьяна включила кассету с записью звуков леса: тихое журчание ручья, посвист птиц, шелест листвы. Затем взяла в руки шаманский бубен и стала ритмично встряхивать его. Ресницы Елены замедлили свое порхание, мысли затуманились. Но размеренный, тихий голос Татьяны четко доносился до ее ушей:

– А теперь вспомни место, где ты покупала сумку, кто был с тобой рядом.

Перед глазами Елены четко обозначился унылый магазин в канун реформ. Ряд подвешенных на кронштейне черных сумок одинакового фасона; торба из кожаменителя на длинном ремне. Вместе с ней, у прилавка, стоял Ефим. Сумка была его последним подарком, сделанным перед отъездом из страны.

– Человек, стоящий с тобой, будет порезан, – сообщила Татьяна. Она видела ту же картину, что и Елена, только в иных измерениях. Так врач на рентгене видит внутренние органы человека.

Елена испуганно вздрогнула. Нет, она не желала такой ужасной смерти Ефиму. Татьяна заметила ее движение.

– Спокойно. Спокойно. Физическому телу этого человека ничего не грозит. Будет разрезана его энергетическая оболочка. Порвана мистическая связь ваших ментальных тел. Когда ты купишь новую сумку, в твою жизнь войдет новый человек!

Татьяна прибавила громкости мелодии леса, и Елена перестала слышать ее голос.

Очнувшись от забытья, она почувствовала необычный прилив сил. Увиденное и услышанное во время сеанса быстро растворялось в ясности сознания, как растворяется ночной сон в обыденности дневных забот. К своему удивлению, она поняла, что возможность перемены, предсказанная ей раньше Татьяной, теперь не казалась сомнительным пророчеством. С той уверенностью, с какой за субботой мы ждем воскресенья, Елена ожидала нового поворота своей Судьбы.

Она вышла из темной комнаты и сразу превратилась из клиента в деловую женщину. В приемной у секретаря уже лежала заготовленная реклама:

«Опытный маг снимет порчу, изменит карму, избавит от проблем». Елена оформила заказ. Татьяна стояла тут же.

– Таня, а про кошелек ты мне ничего не сказала! Сумка-то старая, я ее и так сменить собиралась.

А вот деньги – это для меня проблема.

Татьяна зевнула, прикрыв рот рукой:

– Что деньги, Леночка, еще заработаешь. О деньгах не печалься.

Елена подклеила сумку скотчем, любезно предложенным секретаршей, и заторопилась по следующему адресу.

* * *

Елена направлялась в Общество гуманистов. Дорога пролегалa через Львиный мостик – мостик ее детства. Первого впечатления о четверке львов, сидящих по углам памятника, у Елены не сохранилось. Львы были всегда! Но одно открытие поразило однажды девочку: львы удерживали мостик, сжав в зубах железные канаты. А если они раскроют пасть, мостик рухнет? Ступая вместе с мамой по мостику, она не только крепче цеплялась за мамину руку, но

непроизвольно стискивала зубы – будто помогала львам крепче держать канаты. Ее зубы размыкались, лишь когда мостик оставался за спиной. Позднее, уже во взрослой жизни, у Елены укоренилась привычка: в ответственные моменты жизни крепко сводить челюсти.

Опасения, что мостик рухнет, давно прошли. Но сочувствие ко львам, выполняющим свою трудную работу, у Елены осталось. Для нее львы были почти живыми существами. Проходя мимо вечных стражей, она не забывала погладить их твердые чугунные лапы. Но сейчас Елена равнодушно шла по недавно обновленным доскам моста мимо старых друзей. Кража кошелька и порча сумки в трамвае не выходили из головы. Повернув голову в сторону канала, она задумчиво посмотрела на его зеленоватую воду. По ней, сбившись в «стаи», плыли коричнево-желтые листья, опавшие с прибрежных тополей. Елена почти прошла мостик, когда обиженный ее невниманием лев сам напомнил о себе.

Резким ударом лапы он смахнул с головы Елены беретик и бросил его в дрожащий поток плывущих листьев. Белесый кружок фетра, будто лилия, вписался в бурый узор.

Разумеется, лев был ни при чем. Всего лишь порыв ветра, и беретик утрачен безвозвратно. Все неприятности сегодняшнего дня слились в одно большое отчаяние: плащ, кошелек, порезанная сумка и вот теперь улетевший беретик. Утрата беретика оказалась последней каплей, переполнившей сосуд бедствий. Лена неожиданно засмеялась и запоздало похлопала жесткий бок белого льва. «Я знаю, это твои проделки», – мысленно укорила она неповинного «зверюгу». Лев добродушно промолчал, но Лена прочла его мысли: все идет согласно закону тельняшки – чередование полос. Кажется, черная близка к завершению.

Визит в Общество гуманистов положил начало светлой полосе. Гуманисты заказали серию рекламных объявлений вплоть до Нового года. Стоимость объема рекламы была так велика, что с лихвой покрывала утрату, связанную с хищением кошелька.

Небывалый заработок показалось ей чудом, незаслуженным подарком. Но в хаосе жизни работали свои законы.

4

Кто думает, что экстрасенс живет без забот, тот глубоко заблуждается. Татьяна, уставшая за день от большой энергетики своих клиентов, медленно брела домой. Вот она вышла на канал Грибоедова.

Теперь перед ее глазами маячил «вечный» пивной ларек, стоящий у широкого моста через канал. Когда-то сколоченный из фанеры, ныне он преобразился. Легкие алюминиевые щиты облагородили его, но завсегдатаи павильона по-прежнему нарушали покой близлежащих сонных улочек. Татьяна ускорила шаги, чтобы быстрее миновать опасное место. Вслед ей, как обычно, полетела грязная шутка какого-то забулдыги. Татьяна мысленно установила энергетический экран вокруг себя и скрестила пальцы рук: чур, чур, меня.

Дома тоже было трудно обрести покой. В комнате Татьяны уже крутился Вадька, племянник. Он выстроил из стола и табурета какое-то сооружение, быть может, корабль или танк, и сейчас из воображаемой рубки, нацелив на нее пластмассовый автомат, прокричал:

– Стой Руки вверх! Пароль – Я тебе покажу пароль, марш в свою комнату! – скомандовала Татьяна и прогнала Вадьку со стола. – Хорошо хоть скатерть догадался снять.

Вадька неохотно слез со стола и жалобно заканючил:

– Тетя Таня, можно я здесь побуду, мне мамка велела. К ней дядя пришел.

– Ладно, только без баловства, – вынужденно согласилась она. Ее сестра, Нелли, жила в соседней комнате и часто выставляла к ней ребенка.

Татьяна сняла со стола табуретку, дала племяннику лист бумаги и усадила его рисовать. Убедившись, что тот уgomонился, переоделась за его спиной в домашний халат и направилась в кухню готовить ужин.

Здесь уже вытирал какую-то лужу всегда пьяненький сосед Николай. От его неумелых движений грязь размазалась по всему полу, оставляя жирные разводы на недавно настеленном зеленом линолеуме. Татьяне было особенно обидно видеть это безобразие, так как новое покрытие было сделано благодаря ее хлопотам и деньгам. Посреди кухни валялась перевернутая алюминиевая миска.

– Вот зараза, выскочила из рук. Нелька щей налила. В кои-то веки горяченького пожрать.

– Водки жрать поменьше надо, – буркнула Татьяна по привычке.

Ее досада вновь обратилась на сестру. Вон чем обернулась ее жалость к соседу-забудыге. Все угощение разлил.

«Нет, так дальше продолжаться не может», – думала Татьяна.

Коммуналка давно потеряла прежний, все же пристойный вид. Купили кооператив Дворкины, Фимкины родители. Получила квартиру инвалид Отечественной войны Галина Ивановна, мать Елены. Перебралась на вечный покой бабушка Катя.

Послевоенная, с жестким порядком, квартира превратилась в коммуналку-притон, и жить нормальному человеку в ней стало невозможно. Пора размениваться. Татьяна на минуту закрыла глаза и представила тихую, уютную квартирку, принадлежащую ей одной. Но тут же сбросила наваждение: сейчас не время заниматься медитацией. Пора готовить ужин. Ненавистный ей Николай что-то несвязно бормотал. Закончив возиться с лужей, он подошел к Татьяне почти вплотную и задышал тошнотворным перегаром ей в лицо:

– Ну вот, нашел, значит, я человека, который расселит нас и всем даст кто чего хочет. Звонить обещался.

– Да уж, нашел небось такого же алкаша, как сам, – огрызнулась Татьяна, отворачиваясь от Кольки.

Однако необычное совпадение ее мыслей и болтовни соседа вдруг показалось ей знаменательным.

Татьяна налила чайник, поставила его на плиту и, отстранив рукой заслонившего путь Николая, вышла из кухни.

Николай что-то обиженно гудел ей вслед. Он был искренне уверен, что сам нашел того замечательного мужика, кажется, Лехой его звать, с которым они встретились у алюминиевого пивного ларька. Они сидели на гранитной приступке набережной канала, и новый знакомый предложил взять еще кружку пива за его, Лехин, счет. Как «похорошело», когда Леха достал откуда-то малек водяры и плеснул ее в пенящееся пиво.

– Хреновое у меня, Леха, житье, – жаловался Николай.

– Да, Колян, рабочему человеку сейчас не в масть житуха, – вторил Леха. – Всюду новые русские обложили.

– Я и говорю, – продолжал Николай, – в получку шиш получишь, твою мать. – В квартире бабы одни, заели совсем, и в долг фиг у них займешь.

– А что за квартира-то? – как бы невзначай поинтересовался новый друг.

– Квартира-то ничего, всего две соседки, да очень бабы вредные, особенно Танька – со свету, ведьма, сживает.

– Слушай, Колян, – голос Лехи шел теперь откуда-то издалека, может, волна хмеля приглушила, стушевала все звуки, – я тебе, как другу, ей-богу, помогу. Подходящую квартирку подберу.

Зацепившись за руку нового приятеля, Николай повел его к себе в гости. Он думал, они еще посидят, но Леха потоптался в квартире, поглазел на потолки и быстро ушел, чем даже обидел Колю. Все это он и рассказывал сейчас Тане, которая давно ушла с кухни. Поняв, наконец, что он в кухне один, Николай тоже решил убраться в свою комнату. Но тут к своему сверкающему белизной столику прибежала вторая соседка, Неля.

Николай наблюдал, как соседка наклонилась, ища что-то в тумбе стола. Ее ладная, обтянутая розовым махровым халатом «корма» кренилась то на правый, то на левый бок. Захотелось шлепнуть мягкий розовый холмик, но Николай сдержался: такой вольности соседу Нелька не простит. Однако давно засевшая, не дававшая Николаю покоя мысль все же выплеснулась наружу:

– Нелька, соглашайся, пока не поздно. Распишемся, поедем в одну квартиру. Я сегодня одного фирмача нашел. – Николай снова начал свой рассказ.

Неля достала из стола банку с яичным порошком и муку, выпрямилась и взглянула на Николая так, что тот сразу осекся. Его сероватое, в глубоких морщинах лицо было похоже на металлическую мочалку, которой она чистила кастрюли. Темные, редкие волосы были смочены водой и зачесаны назад, открывая глубокие залысины. И весь он, маленький и щуплый, сейчас терялся в просторной кухне, как терялась среди солидных кухонных столов соседок его маленькая фанерная тумбочка. С ней Николай когда-то въехал в эту квартиру из общежития.

– Брось, Коля, ей-богу, насмешил. Ты, поди, и с бабами управляться разучился, что-то я среди твоих гостей их не разу не видела.

Неля засмеялась, обнажив желтые прокуренные зубы. Ее круглое лицо от улыбки стало еще круглее, а куций, перевитый резинкой светло-русый хвостик игриво задрожал. Неля была не прочь устроить свою жизнь, пока Вадька каждого приходящего к ней мужчину готов был называть папой. Но, неразборчивая в случайных связях, она не торопилась скреплять отношения с кем попало. Так получилось, что, потеряв работу на фабрике, где она работала клейщей обувью, Неля что-то потеряла и в себе. Чтобы прокормить ребенка, чей отец исчез еще до рождения сына, ей пришлось пойти легчайшим путем. Хотя, вопреки общепринятому мнению, этот путь не был таким уж легким. И все же кандидатуру Коли на роль своего мужа Неля не принимала всерьез. Этот грузчик с почтамта почти никогда не просыхал.

Смех Нели обидел Николая, и он, шаркая протертыми тапками, наконец покинул кухню.

Неля, замесив тесто, поставила в духовку шарлотку и тоже ушла.

В своей комнатке ее ждал старый друг, богатенький спонсор. Он был иногородним торговцем. Приезжая в Питер, он часто останавливался у Нели. Услуги Нели были универсальны.

По пути к себе Неля заглянула к Татьяне: чем там сынок занимается? Мимоходом Неля сказала сестре о новости, сообщенной Николаем.

– Уж не знаю что и думать, – покачала головой Татьяна. – Но его разговоры совпали с моими мыслями. Пора нам, Нелечка, разъехаться. У тебя своя жизнь, у меня – своя. Мне в эту квартиру даже знакомых неудобно пригласить. Такой беспорядок...

Телефонный звонок прервал ее тираду. Татьяна взяла трубку:

– Алло!

– Здравствуйте, с вами говорит директор фирмы «Игрек», Князев Игорь Дмитриевич. Как ваша квартира относится к расселению? Мы разговаривали с одним из жильцов.

– Да, да, мы думали об этом, – отозвалась Татьяна, удивляясь, что на этот раз Колька не соврал. – У нас хорошая квартира, только ванны нет.

– Квартира приватизирована?

– Нет, но в принципе все согласны, – заверила Татьяна, убежденная, что за оформлением бумажек дело не станет.

– Очень хорошо. Тогда давайте встретимся у нас в офисе и обговорим условия, – предложил Игорь Дмитриевич.

– А вы не будете смотреть квартиру?

– Наш специалист сегодня ее осмотрел.

Вот так оперативность! Татьяна насторожилась.

Хотя теперь такое время: деловые люди не тянут кота за хвост. И все же...

– Хорошо, скажите, куда нам подъехать. – Татьяна сказала «нам», но уже решила, что разведает все сама. Остальные будут делать то, что она скажет.

– Улица Бармалеева, рядом с метро «Петроградская». Там напротив Дом быта и ремонт ювелирных изделий.

Этот Дом быта Татьяна знала. Ее полуцыганская кровь весело закипала, когда она примеряла новое колечко или просовывала в уши огромные полумесяцы золотых сережек.

– Да, я знаю эту улицу, – подтвердила Татьяна.

Уточнив день и время встречи, она повесила трубку. Мыслеформы, созданные ее воображением, уже начинали воплощаться. Но даже у нее самой не было уверенности, что причина такой поспешности – всемогущая магия.

5

Сегодня у Елены был выходной.

Она отправила дочь в школу и бесцельно бродила из комнаты в комнату. В Женькиной обители наспех заправленная постель резко контрастировала с идеально ухоженными красотками с журнальных обложек, которыми были обклеены все стены.

Елена со вздохом подобрала упавший на пол желтенький халатик дочери (недавно еще он принадлежал ей самой) и, качая головой, вышла в маленький коридорчик. Здесь она на минуту приостановилась: не пора ли отправляться на кухню готовить обед.

Взглянула на часы, висевшие на стене, – пожалуй, еще рано.

Снова зашла в комнату, на этот раз в свою.

Диван, стол, телевизор терялись на фоне обоев горчично-болотного цвета: камыши от пола до потолка. Среди этих камышей она чувствовала себя несчастной «серой шейкой»,¹ но эта игра нравилась Елене, приносила ей покой и умиротворение. За окном накрапывал дождик, тихонько постукивая о жесть подоконника. В его стуке слышалось: ты-одна, ты-од-на. Хотя на самом деле это не так. Есть дочь, о которой необходимо заботиться, и мать, требующая внимания и поддержки. Хотя мама жила отдельно, навещать ее приходилось едва ли не ежедневно. Есть, в конце концов, где-то далеко муж, Ефим. Впрочем, Елена не чувствовала его присутствия в своей душе, но самое горькое, что и отсутствие Ефима ее тоже не трогало.

Елена подошла к трельяжу. Большое зеркало стало вождением для повзрослевшей дочери. Та просила переставить его к себе в комнату, но Елена и сама была пристрастна к нему. В конце концов, при ее работе внешний вид имеет особое значение. Даже самой себе Лена не признавалась, что, глядя в зеркало, просто получает удовольствие. Когда нет близких, поневоле сам себе становишься люб. Вот и сейчас Лена придирчиво вглядывалась в створки трельяжа, повернутые под небольшим углом друг к другу. Как и всегда, две разные Лены – в фас и в профиль – отражались в серебряных стеклах.

Прямо на нее из приоткрытого шалашика светлых, разделенных на прямой пробор волос строго смотрела деловая женщина. Резко очерченные, плотно сжатые губы, пристальный взгляд серых глаз и чуть сдвинутые к центру брови «работали» на образ деловитости. Лена приоткрыла губы и попробовала ослабить напряженность взгляда, чуть приподняв веки. Отражение в зеркале превратилось в пучеглазую куклу. Лена рассмеялась и согнала с лица нелепую гримасу. Вновь строгая особа предстала перед ней. С этой все было ясно: именно ее побаивались посторонние люди. Скосив глаза, Лена посмотрела на себя в одну, затем в другую боковые створки. В них отражалась незнакомка. Легкая завеса волос, наплывая с каждой стороны на щеки и брови, придавала ей загадочный и даже дерзкий вид. От этой незнакомки можно было ожидать что угодно.

Елена взяла деревянную расческу и несколько раз провела ею по шелковистой завесе, вначале слева, затем справа. Этими движениями она словно бы пыталась привести в порядок свои мысли. Но мысли разбегались на множество мелких ручейков. Некоторым из них Елена мгновенно ставила преграду, другим удавалось просочиться и испортить ей настроение даже в выходной. Вот и сейчас, не в силах справиться с самой вредной мыслишкой об одиночестве, Елена направилась к магнитофону и поставила кассету с сонатой Брамса. Но первые же аккорды заглушил дребезжащий звонок телефона.

Лена вышла в коридорчик, взяла трубку и поднесла ее к уху. Менеджер рекламного отдела, Светлана, привычно любезным голосом сообщила:

¹ Серая шейка – утка со сломанным крылом, потерявшая способность летать, персонаж одноименной сказки Д. Н. Мамина-Сибиряка

– Случилась накладка. Наш второй агент заболел, а уже поступили новые вызовы. Елена Павловна, вы не могли бы сегодня выйти на работу, обслужить хоть пару заказов?

Елене не хотелось портить свой выходной день, хотя никаких интересных планов у нее не было.

С другой стороны, ей может понадобиться отгул: жизнь изобилует сюрпризами. Откажись она сейчас – другой раз Светлана тоже не пойдет ей навстречу. Елена вздохнула:

– Хорошо, Светлана. Сейчас возьму карандаш и бумагу. Диктуйте адреса.

Елена записала название фирм и уточнила их расположение. Эти фирмы не входили в число ее постоянных рекламодателей и были ей незнакомы.

Через полчаса Елена вышла на улицу. Первый дом, номер которого был записан на Лениной бумажке, находился совсем рядом с ее домом. В полупустой квартире ее встретил небритый ковбой в обтягивающей крепкий торс открытой майке и в ядовито-лиловых спортивных штанах. Ничуть не стесняясь своего вида, он провел ее в комнату, где стояли лишь кровать с непокрытым полосатым матрасом и колченогий стол (возможно, квартира была съемная, и постоянно он здесь не проживал). На столе стояли компьютер и батарея пустых бутылок из-под пива. Елене приходилось оформлять заказы в частных квартирах или в номерах гостиниц, где в последнее время «квартировали» многие фирмы, но сейчас ей стало не по себе. Заброшенная квартира и ее неряшливо одетый, а вернее, полураздетый хозяин вызывали беспокойство. Но Елена не показала своего смущения. Она прошла к столу и, сдвинув бутылки, разложила на нем бумаги. Бизнесмен пояснил, что хочет дать объявление своей маленькой турфирмы. Вместе они соорудили текст рекламы:

«ОТДЫХ НА СИНЕМ МОРЕ!
ШОП-ТУРЫ В ТУРЦИЮ
Дешево!»

– А сколько стоит поездка в Турцию? – зачем-то поинтересовалась Лена, которая не собиралась ехать ни в Турцию, ни в другие места.

– Всего двести долларов, – ответил ковбой.

Он с ухмылкой взглянул на Елену и добавил:

– Вам, мадемуазель, могу предложить за сто!

Елена улыбнулась и покачала головой.

– Шучу! – стал серьезным мужчина. – Есть другое предложение. Приглашаю вечером в ресторан. Оттянемся, не пожалеешь!

Елена, чтобы отделаться от настойчивого ковбоя, обещала подумать. Сейчас она торопится, ее ждут другие рекламодатели. Тут же она отзвонила Светлане и отчиталась за выполненный заказ. Связь с рекламным отделом была для нее надежной страховкой. Попадая в такие сомнительные места, как сегодняшняя квартира, она знала, что место ее пребывания известно.

Спускаясь на лифте, она неожиданно вспомнила пророчество Татьяны о новом знакомстве. Нет уж, спасибо за такое счастье. Хотя... как давно ее никуда не приглашали.

* * *

Другая фирма находилась на Петроградской стороне. Елена без приключений доехала на метро до одноименной станции, но найти нужную улицу удалось не сразу. Даже ее название, Бармалеева, казалось вымышленным, неудивительно, что случайные пассажиры, вместе с Леной выходящие из метро, не знали ее. Зато сухонькая старушка с удовольствием рассказала, как нужно пройти, и даже проводила Елену до нужного поворота. Бармалеева оказалась почти рядом с метро. Елена прошла несколько домов и свернула в подворотню. В центре маленького двора возвышалась похожая на маяк тумба неясного назначения. Лена невольно ощутила

себя утлым суденышком, занесенным в незнакомую гавань. Тумба, слишком громоздкая для тесного дворика, казалось, предупреждала путников о неведомых рифах. Именно здесь Елена отыскала крепкую железную дверь, на которой мелом были нарисованы большие неровные буквы: «И-Г-Р-Е-К».

Дверь была ниже уровня двора почти на высоту человеческого роста. Лена спустилась по крутым ступеням и, не обнаружив звонка, несколько раз ударила по железу кулаком. Бам, бам – послышалось в ответ. И почти одновременно с этими звуками, или чуть опережая их, дверь открылась и на порог вышел широкоплечий, приземистый мужчина с детской челочкой на крутом лбу.

– Вы к кому?

– Мне нужно директора или менеджера по рекламе. Я рекламный агент газеты «Хроника рынка».

Елена достала удостоверение из сумки и протянула его крепышу. Алексей, а это был он, мельком взглянул на «корочки». Его взгляд помимо воли задержался на кривом, хоть и заклеенном разрезе, украшающем сумку посетительницы. Да и весь вид женщины, облаченной в темные джинсы и светлую китайскую куртку, говорил о ее незавидном положении. Алексей предложил ей войти. Он провел ее коротким, узким коридорчиком под давящим низким сводом и открыл еще одну дверь.

– Игорь, тут агент из «Хроники» пожаловала, – представил он вошедшую. – Ты примешь ее?

– Да, да, – не поворачивая головы от компьютера, машинально ответил Игорь. – Я сейчас.

Алексей вышел. Елена, предоставленная самой себе, присела на кожаный диван у входа. Директор продолжал «листать» экранные страницы, не обращая внимания на посетительницу. Елена спокойно расстегнула куртку и обвела глазами помещение. Тусклый свет падал в маленькое, глубокое, как бойница, окошко под потолком. С наружной его стороны, по двору, как по телевизионному экрану, прошла черная кошка. Однако яркий искусственный свет внутри помещения делал изображение на этом «экране» нечетким. Оттого окошко казалось здесь ненужным.

Елена с недоумением рассматривала обстановку офиса. Кажется, Светлана упоминала о риелторской фирме. А здесь полное отсутствие презентабельности. Трудно в таком офисе вызвать доверие у клиентов. Груда каких-то книг, надорванные пачки бумаги, и все это свалено в беспорядке на полу.

Она перевела взгляд на директора, и в этот момент он также поднял голову.

– Игорь!

Рефлективное движение – бежать, бежать – сдернуло Елену с дивана. Она приподнялась, но тут же застопорила себя и расслабленно откинулась на спинку дивана. Оскорбленное самолюбие, загнанное ею в дальний угол души семь лет назад, дало о себе знать с неожиданной силой. Но тут же горячие угли тлеющего чувства вновь обожгли ее. Она поняла, что по-прежнему любит этого человека! В следующий миг ненависть и любовь застыли в равновесии. Елена стиснула челюсти.

Реакция Игоря была иной. Расставание с Еленой стало и на его пути печальной вехой. Но богатая бурными событиями жизнь его не оставляла времени для сожалений. Постепенно череда женских лиц затуманила милое, чуть отстраненное лицо этой женщины.

Игорь давно не вспоминал Елену, но, увидев сейчас, ощутил в груди знакомый перестук. В глазах Игоря зажегся опасный огонек. Он встал из-за стола и сделал шаг навстречу Елене:

– Елка, рад тебя видеть!

«Он стал еще красивее», – с болью в душе отметила Елена. Прежде угловато-резкие черты его лица, будто высеченные неумелым скульптором, сложились в завершенный рисунок. В больших темных глазах светился незаурядный ум. Но тот же бесовский огонек, что сводил с

ума Елену прежде, играл в них и сейчас. Редкие штрихи седины в пышных каштановых волосах венчали новый образ. Он был тот же, и он стал другим.

Игорь тоже с пристрастием рассматривал Елену. Ее безупречная фигура в глубине распахнутой куртки выглядела как античная статуя в нише. Обтянутая голубым джемпером грудь была упруга и соблазнительна. Игорь оторвал от нее взгляд и посмотрел на лицо Елены. Нежная кожа, почти не тронутая косметикой, дышала свежестью и чистотой. Лицо было спокойно, хотя щеки слегка порозовели. Ход времени отражался лишь в глазах Елены: усталый, обращенный внутрь себя взгляд. Казалось, Елена смотрит на Игоря, но не видит его.

– Какими судьбами? – Слова Алексея, представившего посетительницу, не задели сознания Игоря, занятого компьютером. – Как ты нашла меня?

Кто тебе дал наши координаты?

Елена с трудом преодолела смятение и суховатым тоном агента пояснила:

– Ваши координаты мне дали в газете «Хроника рынка», где вы пожелали заказать рекламу. Рекламный агент Ясенева Елена Павловна, – демонстративно представилась Елена. – Приступим к оформлению заказа?

Так, оказывается, Лена пришла не к нему лично. Их свела простая случайность. Елка – агент, уму непостижимо! А ее братец Шурик каков, молчал, как партизан. Однажды Игорь вскользь поинтересовался у него, где сейчас Лена, и тот ответил что-то невразумительное. Что ж, понятно, ей не хотелось афишировать свое незавидное положение. И братец только исполнял ее просьбу.

– Подожди, Лена, дорогая. Оформить бумаги мы всегда успеем. Расскажи, как ты, что? Я могу тебе помочь с работой, у меня есть связи. Бросай свою беготню к чертовой матери!

Игорь поднялся, обежал свой стол, присел рядом с Еленой на диван. И несмело взял ее руки в свои:

– Как давно я тебя не видел. Елка. Как я по тебе соскучился!

Игорю сейчас казалось, что он и впрямь тосковал без Елены. Но если печаль расставания и была когда-то в его сердце, она давно сменилась забвением.

Елена мягко, но настойчиво высвободила свои руки и слегка отодвинулась от Игоря.

– Давай, Игорь, вначале закончим с рекламой.

– Хорошо, вернемся к делу. – Игорь встал с дивана и вновь сел за свой стол. Подхватывая заданный Еленой тон, он произнес:

– Вот вам стул, госпожа Ясенева, вот бумаги. – Игорь достал из ящика стола два заготовленных объявления. – Это реклама о покупке-продаже квартир. Это – предложение издательских услуг. Поставьте их в газете раздельными блоками.

Елена пересела с дивана на предложенный Игорем стул и вынула из сумки калькулятор. Она подсчитала размер рекламной площади и стоимость.

– Как будете оплачивать, наличными или через банк?

Вызывая агента, Игорь предполагал дать оплату через банк. Отсроченный платеж во время инфляции оборачивался дополнительной выгодой для плательщика. Однако Игорь был прекрасно осведомлен, что все агенты и распространители товаров работают с процента выручки. Не раздумывая он достал из кармана куртки свой бумажник и отсчитал нужную сумму, округляя до приемлемой цифры. Елена полезла в сумочку за кошельком. Другому агенту Игорь бросил бы небрежное «сдачи не надо». Но сейчас он промолчал, за что Елена была ему благодарна. Чаевые по-прежнему вызывали у нее чувство неловкости. Она всегда решительно отказывалась от них. Отсчитав мелочь, она положила деньги на стол.

Игорь снова вернулся к личному разговору, но тембр его голоса был теперь суховат:

– Слышал, ты собираешься страну покинуть, правда?

– Слухи сильно преувеличены.

Игорь задумчиво почесал подбородок:

– Ты так и не ответила на мое предложение подыскать тебе работу. Хочешь, я прямо сейчас позвоню кому-нибудь насчет вакансий?

Игорь знал, как трудно нынче, когда везде идут сокращения, найти подходящее место. Сотни способных, даже талантливых специалистов (наряду с тысячами «средненьких») безрезультатно обивали пороги фирм и предприятий.

– Спасибо, меня устраивает моя деятельность.

Елена не хотела одолжений от Игоря, хотя пыталась, и не раз, сменить работу.

– Ну что ж, телефон нашей фирмы ты теперь знаешь, – широко улыбнулся Игорь, обнажив ряд зубов, ослепительно белых на фоне его смуглого лица. – Понадоблюсь, звони!

И, помолчав, спросил:

– У тебя телефон прежний? – Он не звонил ей тысячу лет!

– У меня все прежнее. – Елена с каким-то неуловимым достоинством откинула голову назад, отчего шалашик ее волос на мгновение распахнулся, приоткрывая большой чистый лоб.

Затем решительно встала и направилась к выходу. Этот адрес она попросит менеджера передать другому агенту. Встреча с Игорем отозвалась в ней тяжелым душевным переживанием. Больше она не придет сюда.

Игорь тоже встал:

– Минутку, я провожу тебя.

Опередив Елену, он открыл перед ней одну дверь, затем вторую, наружную. Елена осталась у лестницы. И обернулась:

– Спасибо, дальше я сама.

Крутые ступени уводили ее прочь от этого места, от Игоря. Но Игорь следовал за ней по пятам. Он с волнением смотрел на стройные, обтянутые узкими джинсами ноги Елены. Неужели он так ее и отпустит? Однако повода задержать Елену не находилось.

Елена слышала за спиной шаги Игоря, но секунды подъема дали ей время окончательно уйти в себя.

Чтобы сгладить свою сухость (ни к чему было показывать Игорю, что он все еще что-то значит для нее), она задала «светский» вопрос.

– Что это за башня у вас? – и кивнула в сторону тумбы в центре маленького дворика.

– Думаю, это вентиляционное сооружение, от старых бомбоубежищ осталось, видишь окошко-воздухозаборник наверху? – пожал плечами Игорь. – Все недосуг заняться, выяснить, можно ли снести. Столько места занимает, машину парковать негде.

Во дворе не было и деревьев. Однако на сером асфальте кружились тополиные листья, занесенные ветром с улицы. Два листочка, подхваченные воздушным потоком, оторвались от асфальта и взлетели к вершине тумбы. Они кружились у маленького окошка, будто надеялись проникнуть внутрь и укрыться там от грядущей зимы. Но окошко находилось слишком высоко над землей, и листья, лишенные соков родного дерева, не могли одолеть эту высоту. Обессилев, воздушные путешественники упали на асфальт, к ногам Елены. Она наклонилась и зачем-то подняла их. Может, хотела что-то унести на память о последней встрече с Игорем.

Листья были большие и совсем зеленые.

6

В конце октября отмечали юбилей: Галине Ивановне Ясеновой, матери Елены, стукнуло семьдесят.

Накануне юбилея комната Елены превратилась в художественную мастерскую. Был раздвинут и накрыт яркой розовой клеенкой обычно сложенный обеденный стол. На широком розовом поле в творческом беспорядке громоздились баночки с водой, краски, кисточки, какие-то ватки и тряпочки, а также циркули, линейки и другой измерительный инструмент. Елена, склонив голову и чуть прикусив язык, тонкой кисточкой наносила очередной штрих на расписываемую ею самодельную вазу. Техника изготовления вазы была весьма трудоемка. Вначале двухлитровая стеклянная банка сплошь покрывалась черной эмалью. Затем, когда эмаль высыхала, на ней иголкой выцарапывался трафарет будущего узора, который предстояло расцветить масляными красками. Навыки этого мастерства Елена обрела еще в детстве, занимаясь в изостудии. Женя не унаследовала от матери художественных способностей.

Поэтому Елена сама выцарапала иголкой контуры маков на банке, но потом вручила дочери кисточку для раскраски цветов. Галина Ивановна, бывший педагог, любила получать подарки, сделанные руками детей, даже детей повзрослевших.

Пока Женя, вытянув губы трубочкой, наносила алые мазки на черное поле вазы, Елена пододвинула к себе кроссворд. Он наполовину был уже заполнен дочерью. Разгадывание кроссвордов являлось общим семейным увлечением.

Елена прочитала вслух очередное задание:

– Самое древнее из молодых государств мира.

Семь букв. Последняя – мягкий знак.

– Израиль, – мгновенно отреагировала Женя, опередив Елену.

– Верно! – Елена вписала буквы в пустые клеточки. – Река в Индии, четыре буквы.

Но Женя уже не слушала мать. Слово «Израиль» вновь взволновало ее.

– Мама, ну давай уедем к отцу, – завела она постоянно беспокоящий Елену разговор.

* * *

Ситуация обговаривалась неоднократно. Ефим, Женькин папа и муж Елены, уже два года вместе с родителями проживал в Израиле. Он уехал туда на волне перестройки, в 1991-м, после августовского путча, напуганный возможным возвращением коммунистов, которые осложняют всякие выезды. Годом ранее его отцу исполнилось шестьдесят пять.

По тамошним законам он получал право на пенсию (мать приобрела право на пенсию еще раньше). Как многие репатрианты, Ефим, не имевший твердой профессии (в России он был сотрудником заводской многотиражки), очень рассчитывал на поддержку старика отца в первое время. Но до сих пор, кажется, не обрел работы.

Елена категорически отказалась ехать с ним.

Главная причина этой категоричности заключалась в том, что ее старая мать Галина Ивановна не могла и не хотела ехать на чужбину. Оставить ее одну также было невозможно. Галина Ивановна была тяжело больна: неизлечимый артрит, сковавший суставы, затруднял ее передвижение даже по дому.

На улицу же она не выходила уже пять лет. Дочь и внучка часто навещали ее, помогая справляться с бытом.

Вопрос, который бесконечно обсуждался с дочерью, – ее отъезд к отцу. Скоро ей исполнилось шестнадцать, и она собиралась продолжить образование в Израиле. Женя уже посещала

какую-то еврейскую общину и изучала иврит в ульпане, специальной школе для желающих выехать на историческую родину.

С нескрываемой гордостью она приносила домой и гуманитарную помощь, получаемую в общине: крупы, сахар, консервы. Это было тем более кстати, что Ефим никакой помощи семье оказать не мог. Хотя он не терял надежды устроиться и забрать свое семейство. Все это пронеслось сейчас в голове Елены; она в очередной раз старалась придумать довод, который отвратил бы дочь от отъезда.

– А ты знаешь, что там девушки служат в армии?

– Знаю, конечно. И необязательно в армии, можно в больнице санитаркой, например, отработать.

Елена привела еще какие-то, на взгляд Жени, неудачные доводы. Девочка отмела их. Ефим, хорошо владеющий пером, красочно описывал в своих письмах дочери преимущества жизни в жаркой, овейной экзотикой стране. На бумаге эта жизнь выглядела очень заманчиво. Разговор, испортивший настроение и матери и дочери, незаметно прекратился. Елена снова уткнулась в кроссворд, но теперь заполняла клеточки молча.

– Все, закончила! – радостно объявила Женька, нанеся последний мазок.

Роспись красно-черной вазы отдаленно напоминала контрастные картинки Палеха и, несомненно, излучала энергию жизни. Энергию, так необходимую старой матери.

* * *

С утра в воскресенье Елена с Женькой были уже у бабушки в спальном районе – Купчино. Общими усилиями накрошили салаты, нарезали колбасы.

Женщины, принадлежащие к трем поколениям одной семьи, сошлись в однокомнатной квартирке, внезапно ощутив тесноту пространства. Обычно стоящий в углу стол-книжка, сейчас выдвинутый на середину комнаты, перед диваном, почти закрыл проход в остальную часть комнаты, где громоздилась деревянная полуторная кровать хозяйки.

Старый полированный шкаф напротив нее крепко держал оборону своего пятачка: сдвинуть его с места ни у кого не было сил. Принесли табуретки из кухни и временно, чтобы не закрывать полностью проход, поставили их под стол. Женька совершала челночные рейсы на кухню, подхватывала подготовленные блюда из рук матери и осторожно переносила их на стол в комнату.

Оформление стола было в самом разгаре, когда раздался звонок, возвестивший о приходе первого гостя, вернее, гостыи. Ею оказалась соседка по лестничной площадке, Зоя Платоновна. Миловидная, «молодая» пенсионерка часто забегала к Галине Ивановне помочь по хозяйству, да и просто поболтать. Она вручила Галине Ивановне подарок – томик с письмами Антона Павловича Чехова. Галина Ивановна, в прошлом преподаватель русского языка и литературы, любила Чехова. Елена тоже разделяла увлеченность матери и творчеством писателя, и его непростой биографией. Чехов, интеллигентный, самоотверженный, страдающий неизлечимой болезнью, прочно захватил воображение Леньшкольницы. А впоследствии даже повлиял на ее судьбу. Галина Ивановна поблагодарила за книгу, но тут же лицо ее озабоченно вытянулось: почему Зоя Платоновна пришла одна? Дело в том, что на этом празднике намечалось свести холостого брата Елены, Шурика, с дочерью Зои Платоновны. Молодая женщина недавно развелась с мужем, и мать ее была обеспокоена судьбой дочери. Елена знала невесту лишь понаслышке: та уехала от матери еще до своего замужества. Однако разведенная дочь соседки, видимо, не тяготилась своим одиночеством и отказалась являться на смотрины.

Едва соседка прошла в комнату, как раздался новый звонок. Елена открыла дверь. На пороге стоял Шурик с букетом белых хризантем. Он поздравил Галину Ивановну, а Елене и Женьке сунул по шоколадке.

– Она еще не пришла? – шепотом спросил у Елены Шурик, заметив, что, кроме пожилой соседки, никого в комнате нет.

Услышав ответ сестры, Шурик разочарованно свесил голову набок: и зачем он только пришел сюда?

Брат, а вслед за ним и отец появились в жизни Елены, когда она уже окончила институт. В НИИ «Магнит», куда она пришла по распределению, и состоялась эта встреча. Однажды лаборатория отмечала какой-то праздник в квартире холостого Александра Святенко, жившего со старым отцом. В суете празднества взгляд Елены неожиданно наткнулся на групповую фотографию, стоящую на комод: несколько мужчин и женщин, застывших в строгой, официальной позе. Елена вспомнила, что где-то уже видела этот снимок. Да, точно, в альбоме у своей матери. Вот и сама мама, почти в центре группы.

– Это я в институте усовершенствования учителей, – заметил интерес гостя отец Шурика, высокий костлявый старик с лысой головой. Он ткнул пальцем в фигуру мужчины, застывшего рядом с Галиной Ивановной. – Видите, какой молодой да удалой.

Когда через несколько дней Елена навестила мать, она вспомнила о дубликате старой фотографии и мимоходом поинтересовалась ее историей.

Невинное, казалось бы, сообщение потрясло старую женщину.

Галина Ивановна в смятии отвернулась к окну.

Руки ее припали к глазам. Пальцы бессмысленными круговыми движениями гладили чуть прикрытые веки. Так порой владелец очков протирает запотевшие стекла, чтобы лучше видеть сквозь них. Что хотела разглядеть Галина Ивановна в своем тайном прошлом? Лена с удивлением наблюдала замешательство матери, вызванное таким вроде бы простым вопросом. Наконец небольшую паузу прервал ровный, почти без интонаций голос матери:

– Леночка, на этой фотографии – твой отец, Святенко Павел Афанасьевич.

Лена замерла, не в силах воспринять услышанное. Мать всегда ей говорила, что отец был летчиком и погиб во время тренировочных полетов. Видно, эту красивую легенду она придумала, когда, после полета Юрия Гагарина, главными героями страны стали летчики и космонавты.

– Когда мы познакомились, – продолжала Галина Ивановна, – мне было уже тридцать пять лет.

В то послевоенное время женихов было мало. Учителя, конечно, тоже сплошь женщины. Так что на нормальную семью я уже перестала надеяться.

С Пашей мы познакомились случайно, на курсах повышения квалификации. Он был математик, закончил университет до войны, хотел заниматься наукой. Ты, верно, в него пошла, склад ума у тебя рациональный. Ну вот, а после трех лет солдатской жизни какая наука, да еще ранение у него было тяжелое в конце войны. Так что о науке пришлось забыть. Пошел преподавать в школу. В сороковые много фронтовиков пришло в школу, это сейчас парни эту работу стороной обходят. Да и то сказать, платят учителям смех один. Мы с твоим отцом, разумеется, в разных группах занимались, я же словесник, а он, как я сказала, математик.

Но политзанятия, они для всех были обязательны, шли в общем потоке. В тот год Хрущев осудил культ личности Сталина. У всех в головах страшно что творилось. Ты не представляешь, кем был для нас Сталин. Каждый не задумываясь отдал бы свою жизнь за него. И вдруг такое! А нам, учителям, было важно понять, что говорить своим ученикам.

Вот на одной такой лекции мы с Пашей и познакомились. Он, когда узнал, что я русист, сразу обратился за помощью. Паша разработал особый метод подачи материала. Хотел по своему предмету вместо обычных учебников внедрить сказки по математике. И попросил меня помочь с литературной обработкой этих сказок. Он их потом на уроках использовал.

В тот вечер Галина Ивановна долго и охотно предавалась воспоминаниям. Устав от многолетнего молчания, она обрушила на дочь все горести и радости, которые сопутствовали появ-

лению Лены на свет. Уже звонил Ефим, обеспокоенный пропажей жены. Лена ответила, что останется ночевать у мамы. Возвращаться к обыденным заботам после такой ошеломляющей новости у нее не было сил.

О том, что у Паши уже была семья, ребенок, Галина Ивановна упомянула вскользь. И, вновь, оправдываясь, повторила:

– Ну, мне было уже тридцать пять, и я решилась родить, понимая, что поднимать ребенка мне придется одной.

* * *

Тогда Елену поразило, что мать родила ее, будучи такой старой! Теперь она сама достигла этого рубежа и лучше понимала мать. В период женской зрелости трудно пребывать в одиночестве.

Все это: и само открытие того факта, что отец жив, и встреча с ним, и обретение брата – случилось почти десять лет назад, накануне маминого шестидесятилетия. Тогда же отец, которому было уже под семьдесят, впервые пришел с сыном в дом любимой им когда-то женщины. К этому времени он был уже вдовцом и присматривался к молодым старушкам, под категорию которых как раз подходила тогда Галина Ивановна. Втайне он предполагал, что Галя согласится соединить с ним жизнь. Но та слишком привыкла жить одна и теперь ценила свою независимость. Паша остался в прошлом, а нынешний Павел Афанасьевич был для нее чужим человеком. Пока Галина Ивановна раздумывала над ответом, отец умер. Елена еще раз лишилась отца, одновременно обрета живую память о нем.

* * *

За столом расселись свободно. Шурик, единственный мужчина в компании, наполнил рюмки.

Плеснул себе водочки, а женщинам терпкого, как гранатовый сок, вина. Не присаживаясь, он поднял свою рюмку и произнес речь. Она, как всегда, была пронизана математическими и философскими обобщениями:

– Галина Ивановна! Поздравляю вас со славной датой, с приходом семерки в вашу жизнь. Пифагор, да и не только он, считал число «семь» мироправящим, божественным, требующим особого почитания. Это число называют числом судьбы, так как все жизненные циклы и явления кратны семи. Достигнув первой семерки, человек поступает в школу. Четырнадцать лет, вторая семерка, знаменует приход юности. В двадцать один принято создавать семью. – Шурик умолк, вспомнив, когда Галина Ивановна родила свою дочь. Впрочем, тридцать пять тоже кратно семи...

– И что? – вклинилась в паузу Женька.

– Полагалось, что каждые семь лет в человеке обновляется все: кровь, волосы ну и так далее. Хотя пифагорейцы...

– Остановись, Шурик, – Елена мягко коснулась руки брата, – ты же не на заседании исторического клуба!

– Да, да. – Шурик задумался и выдал традиционный тост:

– Ваше здоровье, Галина Ивановна!

Потом раздался телефонный звонок, потом еще и еще. Это поздравляли Галину Ивановну сослуживцы, с которыми она работала в школе. Звонили и бывшие ученики. Для них Галина Ивановна была «светлым образом» их собственного детства.

В промежутках между звонками в компании успевали произнести очередной тост и сделать символический глоток. Шурик при каждой возможности добросовестно опорожнял

рюмку. Елена пыталась остановить его, но он так добро, по-детски просил еще чуть-чуть, что Елена сдавалась.

Наконец, перешли к чаю. Пока остальные наслаждались тортом, Шурик сладко посапывал на кровати хозяйки в дальнем конце комнаты. Так для него заканчивались почти все вечеринки. После торта оставалось только разойтись. Зоя Платоновна поднялась первая и покинула квартиру соседки.

Увидев Шурика, она поняла, что он ее дочери не пара: слишком уважает выпивку. Елена перемыла посуду, разбудила брата и тоже засобиралась домой.

К восьми вечера они с Женькой были уже у себя.

У Елены от усталости разболелась голова, но дочка, покрутившись у зеркала, вознамерилась пойти на дискотеку. Она распустила пушистые, пепельные, как у Елены, волосы, которые спадали на спину, достигая лопаток.

– Евгения, чтобы к двенадцати быть дома.

– Ладно. – Дочь не стала спорить, так как совсем недавно ее отпускали лишь до одиннадцати, и новое завоевание, полночь, еще не успело войти в привычку, а потому вызывало гордость.

Когда за дочкой захлопнулась дверь и перед Леной открылась перспектива тихого вечера, ее головная боль сразу прошла. Сил для домашних дел уже не было, оставалось найти для себя какое-нибудь развлечение. Лена взяла телевизионную программку – на всех каналах шли информационно-политические программы, которые ее не интересовали.

Хотя она симпатизировала новым партиям, за перипетиями их борьбы не следила, полагая это бессмысленным занятием, подходящим разве что для стариков.

Она подошла к книжному шкафу. Все было читано-перечитано, но сейчас ей захотелось освежить в памяти воззрения древнего грека, о котором вспомнил на вечере Шурик. Жаль, никак не удастся пристроить брата. Почти сорок лет, и все один.

Оттого и с выпивкой начались проблемы. А ведь умный парень! Елена скользила глазами по корешкам книг – куда же запропастились эти философы?

Книги Пифагора, Платона и прочих мыслителей подарил ей отец, но Елена редко обращалась к ним. Древние философы не жаловали в своих трудах женщин, в ответ на их небрежение Елена отказывала авторам в своем внимании. Но подаренные Павлом Афанасьевичем книги с интересом читал Ефим. Он и сам был склонен к многословным рассуждениям, риторике и спорам, отчего среди друзей слыл философом. Наконец Елена догадалась посмотреть на полке Ефима. Там стояли пособия по журналистике, какие-то словари, справочники по литературоведению и другие, бесполезные для Елены книги. Возможно, где-то здесь скрывались и философы. Лена принесла табуретку, чтобы достать до верхней полки. Но и там на виду нужной книги не было. Тогда она осторожно стала вынимать книги из первого ряда, чтобы добраться до закрытого им второго. В полутьме заднего ряда действительно стояли Платон и Аристотель, но Пифагора там не было. Зато на глаза ей попались толстая, в неброской черной обложке, тетрадь.

С любопытством открыв ее, Лена узнала корявые, но по-детски разборчивые буквы – почерк Ефима. Записи разделялись датами. Очевидно, дневник. Причем давний, юношеский. Забыл он свою тетрадку, уезжая в Израиль? А может, оставил умышленно, чтобы она прочитала? Елена раскрыла тетрадь. Почти двадцать лет назад были написаны эти строки.

«26 декабря 1974 года.

Вчера мне исполнилось 16 лет. Вначале я ожидал, что будут обычные семейные посиделки. Придут родственнички, бабушка будет хвалить своего внука, а гости восторгаться. Терпеть не могу такие празднования. Тем более, что мне звать, можно сказать, и некого. Почему-то все дружеские отношения, которые я стараюсь завязать, распадаются. Но мумся сделала мне подарок:

позвала Аленку, соседку с прежней квартиры. После нашего переезда прошло три года, и я ее с трудом узнал...»

На секунду Лена прервалась – пожалуй, это чтение будет поинтереснее разных пифагоров. Вот только надо бы выпить чаю на кухне: в гостях переела соленого. Лена положила на место снятые с полки книги.

Затем быстро спрыгнула с табуретки и, держа черную тетрадь в одной руке, а табуретку в другой, переместилась на кухню.

7

В чашке остывал недопитый чай, но мысли Елены были далеки и от чая, и от сегодняшнего вечера. За долгие годы жизни с Ефимом, за которого она вышла почти случайно, она сумела разобраться в его характере и разочароваться в нем. Совместная жизнь с ним оказалась гораздо труднее, чем она предполагала. Его пустословие, бездеятельность, пустая мечтательность, необязательность в делах стали раздражать ее. Забота о муже, сочувствие его неудачам в жизни сменились снисходительным, а позже и презрительным к нему отношением. Она перестала воспринимать всерьез бесконечные жалобы мужа на невезение и коварство людей вокруг. Но сейчас она читала юношеские откровения Фимки, которые покоряли своей наивностью и чистотой. Кто же помешал Ефиму стать настоящим мужчиной? Может, она сама?

Ефим восхищенно описывал, какое впечатление на него произвела в тот вечер Аленка. Так Елену звали в детстве. Писал, что он влюбился в нее с первого взгляда. «Да, – с грустью подумала Елена, – зря я тогда послушалась маму и пошла на праздник к великовозрастному ребенку, не умевшему самому заводить друзей. Потом-то оказалось, что он просто нетерпим к иным мнениям. Родители создали культ Фимочки, но ребята отказывались принять его ничем не подкрепленное лидерство».

На следующих страницах Ефим вновь жаловался на одиночество и писал о неразделенной любви.

И вдруг другие воспоминания о той осени, не связанные с записями Ефима, хлынули на нее. Оказывается, у памяти собственные вехи.

Примерно за месяц до описываемых Ефимом событий в их школу (тогда она училась на Гороховой) пришел новый инструктор по электротехнике. Это было время, когда в школы настойчиво внедрялось производственное обучение. Практика проходила в большом учебном цехе. Школьники, облаченные в белые халаты, выпаивали из старых плат элементы схемы: конденсаторы, резисторы, транзисторы. Техминимум преподавал инструктор-стажер, студент четвертого курса Игорь Князев, для ребят – Игорь Дмитриевич. Лена вспомнила, как Игорь впервые появился в их классе: высокий, стройный, в безукоризненном темном костюме и белой рубашке с однотонным бордовым галстуком. Его темные, по моде тех лет длинные, до плеч, волосы обращали память к Ленскому, герою пушкинского романа, хотя поведением он, несомненно, напоминал Онегина.

Тогда же все девчонки влюбились в нового инструктора. Он читал наизусть Блока, цитировал модного Евтушенко и даже познакомил ребят со стихами неизвестного поэта Иосифа Бродского. И откуда он только узнал их? Парни тоже уважали Игоря Дмитриевича, так как помимо стишков он знал и дело. Кому-то помог устранить неполадки в проигрывателе, кому-то сменить головки магнитофона. Но «коньком» его была радиофизика, основы которой он преподавал ребятам.

Лене хотелось как-то обратить на себя внимание Игоря, но ничего лучшего, чем вызвать принцип действия ненавистных ей ранее диодов и транзисторов, она не придумала. Еще она сменила тогда свой скучный «конский хвост» на затылке на два легкомысленных пушистых хвоста, перекинутых на грудь.

Но эти перемены в Лениной жизни произошли не сразу. Точкой отсчета стал ее провал перед Игорем и перед классом.

Она помнит этот день. Ночью выпал обильный снег, кажется первый в ту зиму. Он засыпал весь дворик, в котором размещался их школьный экспериментальный цех. Ребята дурачились, бросались снежками. Прозвенел звонок. Возбужденная, раскрасневшаяся, Лена никак не могла войти в ритм урока. Она долго рылась в сумке в поисках тетради, потом уронила ручку, которая среди наступившей вдруг тишины гулко стукнулась о пол и покатилась к ногам Игоря.

– Ну что же, твоя ручка уже просится отвечать.

Пожалуйста, к доске, – улыбнулся Игорь. – Как твоя фамилия?

Игорь еще не успел запомнить фамилии всех учеников, а тем более их имена, но каждый, кто хоть раз побывал у доски, был ему знаком. Лена же вышла впервые.

– Рябинкина! – закричали с мест ребята, которые никогда не упускали случая обыграть фамилию своей одноклассницы.

Игорь посмотрел в журнал, пробежав глазами список учеников, и понял шутку ребят:

– Ясенева, Елена, я не ошибся? – спросил он.

Ребята оценили догадливость Игрека. Кстати, именно школьники дали Игорю это прозвище, которое он потом увековечил в названии своей фирмы.

– Да, Ясенева, – подтвердила Лена, которая уже успела несколько успокоиться.

– Ну что ж, Лена, выполняй задание.

Елена молча потупилась, почему-то не смея признаться, что она прослушала, о каком задании идет речь. Игорь не стал мучить ученицу и четко повторил:

– Напиши для этой схемы уравнение контурных токов.

Игорь Дмитриевич ткнул указкой в большой лист ватмана со схемой, который висел рядом с доской.

Схема показалась Лене случайным нагромождением каких-то палочек и точек, среди которых ползали похожие на жуков транзисторы. Она понятия не имела, с чего начать уравнение.

– Кто поможет? – обратился к классу Игорь.

Девчонки на своих местах с таким же непониманием смотрели на схему, избегая взгляда Игоря, но несколько мальчишечьих рук взметнулось вверх.

Игорь вызвал к доске одного из них и дал ему в руки мел. Эрудит начал резво постукивать мелом, расписывая движения токов, как рек и речушек на карте местности. В его исполнении формулы казались до прозрачности ясными. Лена, покусывая нижнюю губу, чувствовала себя очень неудобно: на других уроках ей не приходилось так «плавать».

– А ты садись на место. – Игорь Дмитриевич с укоризной посмотрел на Лену. – На следующем уроке спрошу снова, готовься. – Он пододвинул к себе журнал и добавил:

– Ставлю двойку карандашиком. От тебя зависит, обведу я ее чернилами или сотру.

Придя домой, Лена проштудировала тогда учебник, но сама составить заданное уравнение для схемы так и не смогла. В тот раз Лена упростила маму найти ей учителя-физика, чтобы взять у него дополнительный урок. Это был единственный в ее жизни случай занятия с репетитором. Но, поняв один раз логику электрических схем, она потом с легкостью осваивала новые элементы.

Игорь Дмитриевич давно стер злополучную двойку, и теперь Лена так же уверенно, как некоторые мальчишки, выходила к доске, когда вызванные ученики испытывали затруднение. Игорь заметил успехи девушки, но отнес их на счет своих педагогических способностей, даже не подозревая о лирических мотивах, объясняющих ее любовь к электротехнике.

До тех пор, пока она сама, как пушкинская Татьяна, не написала ему письмо. Интересно, подумала сейчас Елена, выбросил он то письмо или читал его своей Ольге и вместе с ней смеялся над наивностью своей ученицы? Реакцию его на то письмо она так никогда и не узнала. Онегин хотя бы отчитал бедную Татьяну. Игорь же просто проигнорировал письмо девушки. Но однажды, перед зимними каникулами, молодой стажер остановил в гардеробе старательную ученицу. Елена уже успела надеть свою зеленую шубу и вязаную зеленую шапочку. И то ли от теплой одежды, то ли от внимания Игоря она ощутила жар. Между тем в его словах не было и намека на личную заинтересованность – только совет педагога.

– Лена, я заметил на последних уроках, что ты лихо рубишь сложные схемы. У тебя явные способности к технике. До выпускных экзаменов осталось полгода. Ты уже думала, куда будешь

поступать? У нас в Электротехническом есть факультет радиовещания и телевидения. Отличная профессия, интересные перспективы. Можно в научном институте работать, инженером на телестудии, в космических программах участвовать. Выбор безграничен. Я и сам через год этот факультет заканчиваю. Подумай!

* * *

Все последние недели Лена провела в ожидании ответа Игоря на свою записку. Разговор о будущей профессии оказался для нее неожиданным. Все же ей было приятно, что Игорь Дмитриевич с такой заинтересованностью зовет ее в свой институт. До сегодняшнего дня Лена колебалась – поступать в Электротехнический или идти на моделирование одежды в Текстильный институт. В то время она продолжала посещать изостудию, и преподаватель советовал ей развивать свои способности. Предложение Игоря поставило точку в ее выборе. Решено. Она идет на факультет радио и телевидения. А рисовать можно и дома, для себя. Увы, после окончания школы она забросила рисование и уже больше не возвращалась к этому занятию.

Напоследок Игорь Дмитриевич посоветовал Лене где-нибудь на книжных развалах найти учебник физики известного автора (это пособие, как и другие нужные книги, было в то время в дефиците) и начать по нему готовиться к вступительным экзаменам. Еще он попросил Елену заодно посмотреть для него на прилавках букинистов монографию по электротехнике. Монография тоже была издана давно, и весь тираж ее раскупили.

– Если увидишь где, дай мне знать.

И тут вдруг, как будто только сейчас заметив наряд девушки, Игорь Дмитриевич игриво пошутил:

– Я надеюсь, что эта яркая зеленая елочка украсит наш институт!

Лена опустила голову. Она и так стеснялась своей зеленой шубы, купленной по настоянию мамы.

А тут еще такое сравнение, видимо связанное с приближением Нового года. Этим именем он называл ее и впоследствии. Образ девушки-елки, созданный воображением Игоря, остался в его памяти. Люди ценят собственные открытия! Смущенная последней фразой Игоря, Лена так и не решилась спросить, прочитал ли он ее записку.

Ей во что бы то ни стало хотелось выполнить просьбу Игоря, сказанную им мельком: найти нужные ему книги. В последний день зимних каникул Лена увидела это издание на одном из книжных развалов букинистов вблизи Невского проспекта; Но тут же последовало грустное открытие: монография состояла из трех томов. И стоили эти три книги столько, что Лене, чтобы накопить нужную сумму, пришлось бы экономить на школьных завтраках целую четверть. Но книги не будут ждать так долго! Просто сообщить Игорю, что она нашла монографию, было для нее недостаточно. Она хотела сделать Игорю подарок. Лена взяла один из томов и повертела его в руках. Шершавый переплет кремового цвета был слегка загрязнен, но страницы были в приличном состоянии – никаких пометок, пятен, надорванных краев. Строгие формулы не располагали к лирике, но, увидев одну из тех, что Игорь писал на доске, Лена ощутила прилив нежности к этой книге. Она взяла вторую книгу и, положив ее на первую, также бегло пролистала. Старичок продавец в черной кожаной ушанке с опущенными вниз ушами мельком посмотрел на девочку и отошел к другому покупателю. К столику, где стояла Лена, подошли какие-то молодые ребята, наверно, студенты, и скрыли ее от продавца. Тогда, почти не раздумывая, Лена схватила третий том и, зажав под мышкой трехслойный книжный кирпич, сделала шаг в сторону, затем еще один и вот уже почти перешла на бег.

– Девочка, стой, стой! – послышался позади хриловатый старческий голос продавца.

Уже ничего не соображая, в какой-то отчаянной решимости, Лена рванула изо всех сил, как будто сдавая бег на стометровку. В тот же момент крепкие мужские руки схватили Лену и

жестко остановили. Она увидела перед собой людей в милицейской форме. К ним уже подбегал запыхавшийся старичок. Ушанка сползла ему на глаза, и в первый момент он не увидел милиционеров. Когда же он сдвинул шапку на лоб, перед ним предстала бледная, как снег, девушка, которая прижимала к груди книги, как мать в минуту опасности прижимает к себе ребенка.

– Поймали воровку! – победно доложил один из милиционеров. – Будем составлять протокол?

Возмущенный минуту назад продавец внимательно посмотрел на бледное лицо Лены. Оно не было испуганным или виноватым. Напротив, Лена спокойно, даже гордо смотрела поверх толпы, которая уже начала собираться вокруг. Ее горящий взгляд излучал вдохновение и силу. Наверно, именно так шла на казнь гордая Жанна д'Арк.

– Вы ошиблись, товарищ милиционер, – неожиданно возразил старичок продавец и мягко улыбнулся. – Я просто забыл дать девочке сдачу, потому и звал ее. Он порылся в кармане, достал смятый рубль и протянул его Лене.

Лена автоматически взяла жеваную бумажку и вложила ее, как закладку, в один из томов, которые она по-прежнему прижимала к груди.

– А что же ты мчалась как угорелая? – удивленно спросил у Лены один из милиционеров.

Не получив ответа, они отпустили какую-то шутку (милиционеры были молодые ребята) и отправились дальше патрулировать Невский. Поспешил к своим лоткам и продавец, разошлась сразу поскуцневшая толпа. Помощница продавца, неповоротливая толстая тетка, издали наблюдала за происходящим, возмущенная поведением наглой девицы. Загипнотизированная злобным взглядом продавщицы, Лена не посмела подойти к прилавку, чтобы вернуть злополучные книги. Пересилив себя, она все же окликнула старого продавца:

– Товарищ продавец, можно вас на минутку!

Тот остановился и повернулся к ней. Лена подошла к старичку, протянула ему украденные книги и, потупив глаза, произнесла:

– Спасибо вам и простите.

Продавец на минуту задумался, глядя на девушку, и медленно покачал головой. Была в его глазах какая-то грусть и умудренность жизнью. Ему и раньше приходилось сталкиваться с книжными ворами. То инженеры норовили стянуть с прилавка технический справочник, то застенчивые девушки незаметно прятали в свою сумочку томики стихов, то интеллигентного вида старушки похищали редкие в советское время книги по самолечению.

Но сегодняшний случай был для старого продавца необъясним: симпатичная девушка попыталась украсть технические книги, действуя с фанатизмом технаря-изобретателя.

– Вот, что милая девочка, – задумчиво сказал старик, – я не знаю, почему ты решилась на сей «подвиг», надеюсь, он будет последним в твоей жизни, а книги... книги оставь себе. Считай, что я тебе их подарил.

Резко повернувшись, он заспешил к своим прилавкам. Лена положила книги в пластиковый мешок и побрела прочь. Она твердо знала, что это первая и последняя кража, совершенная ею. И еще она поняла, что для достижения цели не все средства хороши. И, как это порой бывает, преступная ошибка и глубокое раскаяние стали новой точкой отсчета в ее жизни. С того момента в характере Елены появился зародыш твердости. Но прошли годы, прежде чем это свойство в ней развилось.

Естественным следствием ее раскаяния было то, что она так и не смогла подарить Игорю нужные ему книги. Злополучные томики буквально жгли ей руки. Нет, она не сможет подарить любимому человеку, такому чистому и возвышенному, эти грязные книги. Чуть позже она заехала в Электротехнический институт, отыскала там библиотеку и тайно оставила на крайнем столике дефицитный трехтомник.

Стали эти книги достоянием библиотеки или неожиданной находке порадовался какой-нибудь студент, Лена никогда не узнала.

* * *

Нетерпеливый звонок в дверь прервал воспоминания Елены. Так обычно звонила Женька. Елена быстро сунула дневник мужа в свою сумочку – будет завтра дорожное чтиво – и пошла открывать дверь. Взглянув в дверной глазок, она увидела улыбающуюся дочь. Елена открыла ей и демонстративно взглянула на наручные часы, которые показывали без четверти двенадцать.

– Что ж, молодец, явилась досрочно, – похвалила она дочь.

Волосы Женьки были пропитаны запахом никотина. Курила дочь или находилась в прокуренном помещении, Лена допытываться не стала, так как не была уверена в искренности ее ответа. Главное, девочка цела и невредима и даже возвратилась в положенное время.

8

Рабочая неделя началась для Елены с посещения завода. Производственники редко давали рекламу.

Большинство цехов сейчас простаивало, так как не было сырья и потребителей, способных оплатить заказ. Поэтому Елена шла на предприятие с некоторой опаской – оплатят ли там вызов агента.

Накинув на голову капюшон серого пальто и спрятав замерзающие руки в карманы, Елена брела вдоль бесконечных бетонных заборов, которые унылой стеной возвышались по обеим сторонам безымянного проезда. Изредка монотонность этой стены нарушалась приземистыми строениями – проходными многочисленных заводиков, управлений, баз и складов. Елена подходила ближе, чтобы расшифровать очередную аббревиатуру, видную издали, – все эти СМУ, РУ, ЗЖИ, ЗПТО, – и не пропустить среди них нужное ей название. Облегчить поиски – спросить дорогу у кого-либо – оказалось невозможно; хотя уже рассветало, вокруг было полное безлюдье, даже одиночки-рабочие по пути не встречались.

Задумавшись, Елена чуть не провалилась в яму: на дороге был разворочен асфальт. Но идти ей в любом случае оставалось недолго: впереди, метрах в пятидесяти, был виден тупик.

В этом тупике и оказался завод, который она искала. Елена вошла в маленькую будку проходной, откинула на спину капюшон и предъявила вахтеру свое агентское удостоверение. Тот без особой проверки пропустил ее, попутно объяснив, как добраться до нужного ей цеха. Лене уже почти не удивляло безразличие охранников к «пришельцам». В немногих оставшихся государственных предприятиях воровать уже было нечего. Неработающие цеха охранялись чисто формально. Сборочный участок Елена нашла сразу. В пустынном цехе, в конце длинного неподвижного конвейера, сидел начальник. Он громким, хриловатым голосом выкрикивал угрозы и ругательства вроде бы в пустое пространство.

Удивленная Елена приблизилась к нему. Начальником оказался плотный мужчина средних лет в синем ватнике, накинутом на плечи. В цеху было прохладно. Впрочем, начальник, как оказалось, говорил в микрофон, вмонтированный в пульт управления.

Кончив разговор, он щелкнул тумблером, прерывая связь, и обратил свой взгляд к Лене: – Рекламный агент, если не ошибаюсь?

– Да, здравствуйте, – ответила Елена, устало присаживаясь на стоящий рядом табурет на винтовой ножке.

Начальник приоткрыл дверцу старого канцелярского стола, чтобы достать заготовленный рекламный текст. С нижней полки соскочила крупная мышь с тонким, розоватым хвостиком.

– Ой! – невольно вырвалось у Елены.

Начальник развел руками.

– Эти твари постоянно шныряют в пустынном цехе. Чем они промышляют, неизвестно, – как бы извиняясь, заметил он.

Это мелкое происшествие показалось Елене дурным предзнаменованием: не оплатит завод рекламу!

Как-то незаметно, под влиянием Татьяны, она стала обращать внимание на приметы. Начальник, будто прочитав ее мысли, заверил:

– Сегодня же pošлю кассира в банк оплатить платежное поручение за рекламу.

– Простите, – решила спросить Елена, – а инженеры вам не нужны?

Начальник окинул снисходительным взглядом сидящую перед ним женщину. В разработчиках и исследователях производство не нуждалось. А мастером в цех лучше принять мужчину.

– Если будут вакансии, обязательно пригласим. Пока своих сокращаем, – дипломатично ответил он.

Елена покорно кивнула. Сколько раз она слышала подобные отказы. Видно, предстоит ей и дальше наматывать километры, охотясь за рекламой. Невольно вспомнилось предложение Игоря.

Нет, она не может его принять. Согласиться на его помощь – значит изменить себе.

* * *

Обратный путь к остановке, как это обычно бывает, оказался короче и быстрее. Начался дождь, и Лене пришлось не только опять накинуть капюшон, но и раскрыть зонт. Сильный ветер пытался сломать хрупкие спицы непрочного китайского изделия, и Лена лавировала розовым парусом, ловя попутный ветер. Скоро она вышла на оживленную магистраль Кировского района, проспект Стачек, и здесь села на троллейбус, который медленно повез ее на окраину, в Сосновую поляну. Там, в торговом центре, размещалась одна из многочисленных финансовых корпораций. В троллейбусе было просторно. В полупустом салоне каждый пассажир сидел на отдельном сиденье. В этот утренний час основной пассажиропоток направлялся в противоположную сторону, к центру. Теперь дождь стучал по крыше троллейбуса и был не страшен. «Может, и вообще дождь закончится, пока доберусь до места», – подумала Лена, присаживаясь на двухместное сиденье. Теперь было самое время достать чтиво, Фимкин дневник, и вновь погрузиться в его, да и в свою юность.

Лена придвинулась к окошку троллейбуса, заштрихованному струями хлеставшего дождя, и вынула из сумки черную тетрадь. Она открыла страницу, на которой вчера ей пришлось прервать чтение. Троллейбус, подпрыгивая на выбоинах асфальта, подбрасывал пассажиров, как нервная нянька подбрасывает на коленях неугомонное дитя. Елена небрежно перелистала несколько страниц, и вновь дата записи привлекла ее внимание. То самое лето 1976 года. Оно решительно повернуло судьбу Елены.

«1 июля 1976 года.

Всего несколько дней назад передо мной открывалась жизнь, светлое будущее, университет. Я уже видел себя корреспондентом в дальних командировках, мечтал о публикациях в центральных газетах, выступлениях на телевидении. И все это в одночасье рухнуло. И любовь моя, Аленка, прощай навсегда. Не верится, что лишь неделю назад у меня был выпускной бал. А потом мы, тысячи выпускников, бродили по набережной Невы, мечтали о будущем, вспоминали школьные проделки. Девчонки смеялись как-то особенно звонко, и парни ржали, как лошади. Почему-то этот безудержный смех одноклассников да слезы, которые украдкой вытирали учителя, мне запомнились больше всего. Все было так здорово, если не считать того, что в кровь стер ноги в новых, узких штиблетах.

Все изменилось в тот день, когда я узнал результаты флюорографии, которую проходили все абитуриенты. Вначале я не нашел свой бланк в общей коробке, где лежали ответы. Когда я решил узнать, в чем дело, в регистратуре, девушка порылась в отдельной картотеке и вынула мое направление с какими-то пометками. Тут же она сказала, что мне следует пройти в такой-то кабинет, к фтизиатру, специалисту по туберкулезу. Врач, полная, уверенная в себе женщина, сказала, что в моих легких виден инфильтрат.

Приговор был однозначный – туберкулезная больница! Мне выписали, как они это назвали, направление в стационар и отпустили домой, до следующего дня.

Есть выражение: мир померк для него. У меня все было иначе. Мир стал нестерпимо ярким, как будто дома, машины, люди окрасились в сочные чистые тона декораций детского мультфильма. Я шел домой, вернее, механически двигался среди этих декораций, вмиг отделенный от них невидимой границей жизни и смерти. И что было мертвее: окружающий мир или мое тело, было непонятно мне самому. Стоял замечательный, ясный, солнечный, июльский день. Такой бывает в Питере, наверно, раз в сто лет. Мимо шли прохожие: женщины, дети, старики. Они так же вот будут идти, когда меня не будет. Даже старики меня переживут. Я шел и не замечал, что слезы стекают по моим щекам, пока не ощутил их соленый вкус на губах».

Елена прикрыла глаза и почти ясно увидела растерянного мальчика, узнавшего страшный диагноз.

Да, на Ефима тогда обрушилось тяжелое испытание. С другой стороны – его болезнь обернулась для него исполнением желания: браком с ней. Елена встряхнула головой, будто пытаясь избавиться от неприятного воспоминания. Она открыла глаза, посмотрела в окно. И тут же вскочила: чуть не проехала свою остановку. Торговый центр стоял на видном месте, так что Елена без труда нашла его.

Возможности финансовой компании не сравнимы со скромными заводскими. Финансисты оплатили заказ на рекламу наличными. Строители финансовых пирамид, как их называли впоследствии, не скупились. Настроение Елены заметно повысилось: комиссионные от заказа были весомы. Тут же в торговом центре она купила продукты. Сегодня их с дочерью ждал царский ужин.

Домой Елена возвращалась на метро. Снова удалось сесть. Елена открыла дневник. Описание Ефимом больничных дней представляло калейдоскоп горестных и приятных событий. Вот запись о смерти соседа по палате. Самая краткая в дневнике. Через страницу обстоятельный рассказ о выпивке, затеянной больными в укромном уголке больничного парка – зеленом «ресторанчике». И вдруг – взрыв радости!

«Сегодня самый счастливый день в моей жизни!!!

Накануне вернулась в Ленинград Аленка, а сегодня утром уже была здесь. Первое, что она сделала, – это крепко-накрепко поцеловала меня в губы, сама! Для меня ее порыв был так внезапен! Прежде Аленка была сдержанна, так что я сомневался, любит ли она меня. Она на год меня старше, уже студентка, а я до недавнего времени был школяром. Думал, поступлю в университет, вот тогда... А кто я теперь? Тубик!

Потом мы уединились с ней в „ресторанчике“. Багряная листва боярышника уже слегка поредела, но все же скрывала нас от посторонних взглядов. Мы сели на скамейку, обнялись, и Аленка, как пьяная, продолжала меня целовать, целовать».

Елена едва не застонала, закусив кулак. Она оглянулась на пассажиров: никто не обращал на нее внимания. Вновь услужливая память вернула ей ту сцену: безумные поцелуи, которые свели тогда с ума бедного Ефима. Если бы этот порыв был вызван пусть не любовью, но хотя бы жалостью к больному! Но все было гораздо запутаннее и сложнее.

9

Свои первые студенческие каникулы Елена провела в стройотряде, в далеком Казахстане. Игорь был командиром и сам пригласил ее. Кроме Лены, в отряде были еще две девушки: ее однокурсница Мила и выпускница Оля. Девчонок взяли, как водится, поварами. Ребята строили свинарник и зернохранилище, у девушек была одна забота – посытнее накормить работников. Поварихи вставали рано, в четыре утра. В шесть перед парнями уже дымились миски с горячей кашей. Затем ребята уходили на работу. Девушки мыли посуду, готовили обед, снова посуда, ужин и так до позднего вечера. Во время коротких передышек девушки по очереди ложились вздремнуть, ведь вечером начиналась настоящая студенческая жизнь. Чуть отдохнув после смены, ребята играли в волейбол, резались в дурака и покер, пели под гитару. Поскольку девушек было лишь трое, каждую окружало несколько воздыхателей. Они старались добиться внимания своих избранниц, помогая им на кухне: приносили воду, уголь, рубили замороженное мясо, чистили огромные, закопченные котлы.

Имелись добровольные помощники и у Лены.

Среди них особенным постоянством отличался коренастый, белобрысый парень Олег Нечаев. Он вместе с Игорем заканчивал в этом году институт, но был значительно старше своих однокурсников.

О себе Олег рассказывал скупое. Лена знала лишь, что прежде он учился в военном училище, потом где-то работал, пока наконец не оказался в их вузе.

Лена ко всем парням относилась с одинаковой доброжелательностью – ее сердце принадлежало Игорю. Но Олег был отмечен ею за особую, как ей казалось, скромность. Только однажды он взял ее за плечи и притянул к себе. Елена оттолкнула Олега и пригрозила исключить его из свиты своих помощников. Больше он не повторял попыток сблизиться с ней. Молча выполнял доверенную ему работу. Только глухие «да» и «нет» на вопросы Лены.

С Игорем Лена почти не общалась. У командира отряда было много работы. Только пару раз они вместе делали расклад продуктов для кухни и обсуждали закупки. В другое время к Игорю было не подступиться. Рядом с ним всегда находилась Оля.

Так Лена узнала о существовании соперницы. Оля в то время была веселой, задорной девушкой, но черты лица ее были как бы смазаны и невыразительны. Зато в ее крепкой фигуре четко обозначались заметные формы – сзади и спереди. Теперь-то Елена знала, на что обращают внимание мужчины, но тогда недоумевала: почему Ольга?

Лена узнала, что Ольга училась с Игорем все пять лет. И не только училась. После гибели родителей в автокатастрофе Игорь жил один в трехкомнатной квартире. И Оля, оказывается, часто оставалась у него ночевать. Жила она в студенческом общежитии, и время, проводимое дома у Игоря, было для нее праздником. Все это Оля позднее рассказала девочкам на кухне. Пока же Лена видела лишь то, что происходило на ее глазах.

Как-то Лена и Оля, стоя за высоким разделочным столом, готовили обед. Лена терла морковь, Оля чистила рыбу, размороженную пучеглазую камбалу с широким белым брюхом. Делала она это споро, не боясь пораниться о колющие жабры и твердые плавники. Солнце уже припекало вовсю, лишь легкий деревянный навес летней кухни спасал от изнуряющей жары. Вокруг жужжали жирные, назойливые мухи, которые слетались на запах рыбьей требухи. Но разговор девушек был далек от кухонных забот.

– Оля, ты любишь Игоря? – осмелилась спросить Лена.

– Я в нем души не чаю! – может быть, в шутку, но скорее, всерьез воскликнула Оля. – Как расстанусь, не знаю. У меня распределение в Архангельск. Я ведь сама из тех краев.

– А замуж за него не собираешься? – затаив дыхание спросила Елена. Для нее не было секретом, что большинство иногородних студентов стремились с помощью брака обрести питерскую прописку.

– Может, еще и выйду, – загадочно ответила Ольга.

Ответ Ольги, как большая градина, стукнул Лену по темени. Она опустила глаза, чтобы Оля не прочитала в них боль.

О своих отношениях с Игорем Лена никому не рассказывала, да и рассказывать было не о чем. Подумаешь, вместе занимались на кафедре в студенческом научном кружке. Хотя порой Лене казалось, что Игорь тоже равнодушен к ней. Ведь он так по-доброму улыбался, обсуждая с бывшей ученицей результаты экспериментов. Несмотря на признание Оли, Лена не теряла надежды. Подруга – это еще не жена! Елена продолжала обдумывать, как подступиться к Игорю.

Но события шли своим чередом. Ранним утром, когда отступающая ночная тьма еще окутывала степь и затерянную в ней маленькую походную кухню, Лена направилась к сараю, чтобы набрать угля для растопки печи. Из-за сарая, оттуда, где находилась помойка, слышались не то вскрики, не то громкие вздохи. Лена поставила ведро на землю и затаив дыхание, на цыпочках, сделала несколько шагов в сторону непонятных звуков. Навстречу ей вышла бледная Ольга, на ходу вытирая рукавом футболки мокрый рот.

– Что с тобой, заболела? – обеспокоенно спросила Лена, поняв, что у Ольги был приступ рвоты.

– Наверно, рыбу вчера плохо прожарили, а у меня желудок капризный, – еле слышно проговорила Ольга и, зажав рот рукой, вновь помчалась к помойке.

Лена, забыв о ведре, побежала в палатку. Там, на дне рюкзака, лежал полиэтиленовый мешочек с лекарствами, который Галина Ивановна в последний момент сунула дочери. Елена хотела отделаться от него, ведь в отряде есть врач и нужные медикаменты, объясняла она матери. Но та с учительской непрекаемостью настояла: «Лена, возьми это ради меня, чтобы я была спокойна». Теперь, нашарив в полутьме этот мешочек, Лена нашла желудочные таблетки. Затем налила кипяченой воды в стакан и понесла лекарство Ольге.

– Что это? – удивилась Ольга, отстраняя рукой таблетку.

– Пей, это от всех желудочных хворей, – пояснила Лена.

– Да не больна я, – с раздражением выпалила Ольга. – Я беременна.

Беременность Ольги нарушила сложившийся быт поварих. Теперь Ольгу старались оградить от подъема тяжестей, раннего вставания. Лене и Миле приходилось делить между собой эти обязанности. Но самым трудным для Лены оказалась весть, скоро ставшая достоянием всего отряда.

Уже вечером описанного дня, после ужина, Ольга вместе с Игорем удалилась к нему в палатку. Его сосед, комиссар отряда Василий, оценив ситуацию, ушел ночевать к ребятам. Ольга осталась в палатке Игоря на эту и все последующие до конца смены ночи. Вскоре они объявили отряду, что решили стать мужем и женой. Оформить отношения было решено сразу же по возвращении в Ленинград, но свадьбу сыграть здесь, на целине. Хотя общепринятый порядок бракосочетания тем самым нарушался, Зато открывалась возможность широкого, как степь, студенческого пиршества.

Свадьбу, чтобы не страдала ударная работа, решили совместить с отвальнoй. Несколько парней заранее съездили в кишлак, где в автолавке закупили ящик водки. Там же нашли и жителя, который согласился продать им барана. С утра, в день свадьбы, поварихи, как говорил Игорь, «стояли на ушах».

К ним на подмогу было направлено несколько ребят. Кроме обычных кухонных дел, предстояло совершить торжественное действо – разделать тушу барана, а затем приготовить плов. Эту нелегкую задачу и взяли на себя парни.

Наступил вечер. Последний перед возвращением в Ленинград. Долгая, трудная работа осязаемо превращалась в мимолетное воспоминание, которое каждый из студентов впитывал сейчас в себя, как губка дождевые капли. Длинный, сколоченный из серых досок стол под навесом сегодня, накрытый белой скатертью-простыней, имел торжественный, ресторанный вид. На столе Дымились миски с пловом. Краснели разрезанные пополам арбузы с черными как угольки семечками. Бутылки водки, несмотря на официально установленный в отряде сухой закон, в этот вечер открыто стояли на столе.

В памяти Лены четко запечатлелась лишь одна картинка начала свадьбы: жених и невеста у торца стола, невероятно нарядные среди дикой степи. Игорь в темной, облегающей его торс водолазке был похож на Гамлета в современных спектаклях. Длинные, до плеч, волосы усиливали это сходство. Невеста была в белом пышном платье. Лена сама помогала Оле шить это платье из марли, которую удалось выпросить у медсестры. Эта пара тогда смотрелась наряднее, чем молодожены в голливудских фильмах.

За неимением шампанского для первого тоста плеснули на дно эмалированных кружек сухого вина, которого было всего лишь бутылок пять на сорок человек. Лена, сидящая недалеко от новобрачных, заметила: Ольга не пила даже его. Она уже заботилась о будущем ребенке, который, по сути, и был организатором сегодняшнего торжества. Потом громко и дружно кричали «Горько!». Игорь и Ольга сблизили лица, и густые длинные волосы Игоря скрыли их поцелуй, как театральный занавес.

Это счастливое «горько» Лена залила водкой. Она одним махом, хотя с чудовищным отвращением, выпила полкружки. Спустя миг все окружающее как-то отдалилось от нее, сравнялось в помутневшем мозгу.

Одинаково значительным ей теперь казалось и звяканье ложек в мисках, и падающие каплями в уши слова Олега, и радостный смех счастливой Ольги. А рядом были еще какие-то ребята, и они тоже смеялись и наливали ей еще водки. Последнее приятное воспоминание – арбузный сок на щеках и даже на ушах; впиваясь в красную, сладкую мякоть, она ощущала себя таким пищевым автоматом, у которого функционируют лишь рот и язык.

Потом Лена, шатаясь, шла по степи, и степь вставала перед ней горой. А сверху, с темного ночного неба, на нее падали яркие звезды. Каким-то образом она очутилась в чужой палатке, и прямо над ней нависла белобрысая голова Олега. Она слышала его прерывистое дыхание и вздрагивала от нежного прикосновения кончика его языка к своим соскам. Потом почувствовала легкую боль, вызванную резким проникновением Олега в ее тело.

Но приглушенная алкоголем боль быстро прошла.

Прошло и оглушенное состояние. Елена осознавала все ясно и отчетливо. Олег, лежа на боку, смотрел на нее долгим, немигающим взглядом. Елена не видела в темноте его глаз, но ощущала, что на нее направлены пронзительные лучи. Неожиданно лучи погасли: Олег отвернулся. Она услышала громкое дыхание, потом легкий всхрап. Кажется, Олег тоже был изрядно пьян.

Лена выбралась из палатки и тихо побрела куда-то. Хмель рассеивался, но земля под ее ногами проваливалась, как надувной резиновый матрац, из которого выходил воздух. Лена то и дело теряла устойчивость. Наконец, в очередной раз придерживаясь рукой о взбесившуюся землю, Лена оставила бесполезную борьбу за равновесие и просто растянулась на пахнувшей скошенной травой земле. Но даже этот, такой чудесный запах вызвал в ней лишь прилив тошноты. Она повернулась на бок, и тотчас из нее хлынул бурный фонтан кисловатой массы. Почувствовав небольшое облегчение, она отползла от загаженного места. Но вскоре пришлось покинуть и новое лежбище.

Перед рассветом Лена забылась в недолгом сне, оказавшись недалеко от Игоревой палатки. Там ее и обнаружил Игорь, который в этот ранний час вышел покурить. Предстоял день отъезда, полный дел и непредвиденных хлопот. Увидев Лену, он не очень удивился –

разудалое веселье разбросало по степи многих студентов. Лишь бодро произнес, дотрагиваясь до ее плеча:

– Вставай, соня, пора пожитки упаковывать.

Но Лена, приоткрыв глаза, вновь почувствовала набегающую дурноту и застонала. Приподнялась на локтях, снова упала. Игорь за пять лет студенческой жизни видел всяких гуляк, на младших курсах и сам он порой не чувствовал меры. Но почему-то состояние Лены удивило его: она всегда была так уравновешенна и разумна. Не выказывая своего удивления, Игорь сказал:

– Ладно, Елка, лежи. Сейчас кого-нибудь пришлю к тебе.

Игорь покачал головой и пошел к поварской палатке. Скоро к Лене подошла Мила. Она держала стакан с разведенным водой нашатырем и заставила Лену выпить его. Лена встала вначале на четвереньки. Затем, оторвав руки от земли, попыталась выпрямиться, но снова рухнула на траву. После выпитого нашатыря ей стало легче, но теперь сильный озноб сотрясал ее тело. Мила еще раз сбегала в палатку, принесла подушку и одеяло, которым укутала подругу. Августовские ночи в степи уже обдавали холодным дыханием осени, и лишь днем возвращалась изнуряющая жара. Лена пролежала так до середины дня, пока солнце не выкатилось высоко в небо. Обед на этот раз был приготовлен без ее участия. Сразу после обеда за отрядом пришли автобусы, чтобы отвести ребят на станцию. Рюкзак Лены нес Олег. Он же, положив руку Лены себе на шею, довел ее до автобуса и усадил у открытого окна.

Ночью отряд погрузился в поезд. Лена всю дорогу, двое суток, пролежала на верхней полке, отказываясь от еды и развлечений. Лишь перед самым прибытием в Ленинград она немного поела, умылась, привела себя в порядок. Так что на перроне, где студентов встречали друзья и родители, Лена предстала в достойном виде. Галина Ивановна, критически оглядев дочь, хотя и нашла ее еще более похудевшей, все же оценила степной загар, скрывавший бледность щек Лены. Этот загар и длинные, выгоревшие волосы и глаза, наполненные каким-то новым знанием, придавали Лене независимый и свободный вид, прежде не свойственный ей.

Случай с Олегом остался в ее памяти кошмарным эпизодом. К счастью, Олег Нечаев исчез из ее жизни. Елена даже не знала, где он и с кем.

10

Вернувшись в Ленинград, Лена пребывала в каком-то двойственном состоянии. С одной стороны, ею овладело тупое равнодушие. С другой – мир как будто раскололся, рассыпался на мелкие части. И не было среди этих частиц главных и второстепенных.

Каждая из них с удивительной отчетливостью, как в лупе, виделась Лене.

Разбирая свой рюкзак, она наткнулась на письмо Фимки, полученное ею на целине, но так и оставленное без ответа. Тогда, поглощенная грядущей чужой свадьбой, она не в состоянии была написать хоть несколько строк. Да и о чем, собственно, писать... Но вообще-то это большое свинство с ее стороны. Человек попал в такую передрыгу, воззвал к ее помощи, а она так бесчувственна. «Да, бесчувственна, – с трезвой ясностью сказала себе Лена. – Мои чувства к Игорю сгорели, а к Ефиму их не было никогда». Ей вообще никто не нужен, как не нужна и сама жизнь. Ефим, дурачок, плачет, что смерть поджидает его. Преувеличивает, конечно, выздоровеет как миленький, надо только хорошо лечиться. Она, Лена, была бы только рада сейчас умереть. Ей вдруг вспомнился когда-то прочитанный ею рассказ о смерти писателя Чехова. Антон Павлович попросил бокал шампанского, выпил его, бессильно откинулся на подушки и тихо умер. Да, красивая была смерть!

* * *

«Глупая девчонка, – осудила себя ту нынешняя Елена. – Обратила внимание только на красивую смерть писателя, не задумываясь о его страданиях, об отчаянной борьбе с болезнью». Но тогда сумасшедшая мысль овладела Леной. Она заразится от Фимы туберкулезом, откажется от лечения и умрет!!! Вот почему она с такой неистовостью бросилась целовать Фимку в их первое свидание в больнице.

«Дрянь, эгоистка, – бичевала себя сейчас Елена Павловна. – Испортила жизнь не только себе, но и хорошему, чистому мальчишке, каким был юный Фимка». Ведь он принял тогда ее поцелуи за чистую монету, за любовь. Как он был счастлив, когда Лена согласилась выйти за него замуж, без всякой опаски за свое здоровье. А она, верная своему плану, рассчитывала, что жизнь ее не затянется. С мазохистской надеждой шла каждый раз на рентген, ожидая, что вот-вот появятся пятна и в ее легких. Но легкие Лены были чисты до сих пор.

Выздоровел и Ефим.

Громкий голос машиниста электропоезда пробудил Елену от грез. Машинист сообщал, что поезд прибыл на конечную станцию, и просил пассажиров метро освободить вагоны.

Елена вышла из поезда. Свою станцию она давно проехала. Надо было возвращаться назад. Она перешла на другую платформу и поехала в обратную сторону, домой. Порог этого дома она переступила вскоре после того рокового поцелуя. Поцелуя смерти, как высокопарно Елена назвала про себя свой порыв. Смерти, отчаянно желаемой, но так и не наступившей! Внешне ее отношения с Ефимом обрели спокойное течение. Она навещала больного и продолжала учебу на втором курсе института. Ефим через семь месяцев лечения выписался из больницы, и они поженились. Елена оставила себе девичью фамилию. Она все еще надеялась умереть молодой. А на могильном камне фамилия Ясенева будет смотреться лучше, чем Дворкина. Молодожены поселились у родителей мужа, в квартире, где Елена с дочкой жила по сию пору. Чуть позже старшие Дворкины купили жилищный кооператив и выехали из квартиры. А впоследствии, вместе с Ефимом, покинули и Россию.

Весной, сразу после свадьбы, Елена забеременела. Жизнь обретала будничные черты. После занятий Лена шла домой, и часто по дороге, никогда не заходя в институт, ее встречал Ефим. Ее беременность Ефима не обрадовала, но активно против рождения ребенка он не

возражал. После обеда они садились заниматься историей, готовили Фимку к поступлению в университет. Заниматься с мужем было нелегко.

Он механически заучивал даты и факты, но анализировать, сравнивать события не умел. Лена испытала разочарование, снисходительно наблюдая отношение мужа к занятиям. Фимка вертелся на стуле, как пятиклассник, то закидывая ноги на его спинку, то седлая верхом, как коня. То и вовсе, опустив голову к полу, озорным взглядом поглядывал на Лену из-под сиденья. Особенное раздражение вызывало у Елены его непрестанное жевание.

Положив рядом пакетик с печеньем, Фимка непрестанно грыз его, роняя крошки на пол, на книги, на конспекты работ вождей революции.

К счастью, в то время Лена не знала хозяйственных забот. Всю кухню, обеды и даже стирку взяла на себя Раиса Львовна, мать Ефима. Так что у Лены оставалось время и на занятия с юным мужем, и на свои собственные.

Летнюю сессию она сдала на пятерки. Теперь все находились в напряженном ожидании, поступит ли в университет, на факультет журналистики, Фима.

Занятия с Леной принесли плоды. Ефим получил по новейшей истории четверку, что оставляло надежду на поступление. Но тройка по иностранному языку перечеркнула планы Ефима стать студентом университета. Родители Ефима и Лена переживали его поражение. В квартире нависло тягостное молчание, нарушаемое лишь возгласами несостоявшегося студента. Казалось, он сам обрадовался своей неудаче: не придется больше зубрить съезды и даты. Он знал про себя, что талантлив, что все равно будет писателем или журналистом, среди которых некоторые не имели даже среднего образования. Армия Ефиму не грозила, так как он состоял на учете в тубдиспансере, а работа не пугала. Отец сможет пристроить его куда-нибудь.

Елена помнит, как Ефим обосновал свой провал (он все умел обосновывать). «Во-первых, – говорил он, медленно кружа у стола, – в университет евреев не берут, специально „режут“ на экзаменах.

Во-вторых, – загибал палец Ефим, – как я могу учиться, когда скоро стану отцом». Теперь Елена знала, что для евреев в ту пору и в самом деле существовали негласные ограничения. Да и желание Ефима самому обеспечивать семью можно было считать похвальным. Но тогда провал мужа на вступительных экзаменах она резко осудила, назвала Ефима шалопаем и бездельником. В ее глазах он стал еще ничтожнее и глупее.

Евгений Соломонович, отец Ефима, устроил сына фотографом в многотиражку заводской газеты, редактором которой был его фронтовой друг.

И Ефим успешно стал фотографировать передовиков производства, а также писать краткие заметки «о трудовых подвигах» своих героев.

Зимний семестр Лене одолеть не удалось. Вначале попала в больницу «на сохранение», а там уж подошло время родов. Накануне Нового года Лена родила здоровенькую девочку, которую назвали в честь тестя Евгенией. Лена целыми днями стирала пеленки, терла морковь и яблоки на белесой пластмассовой терке. Женька с готовностью открывала свой маленький, беззубый ротик, чтобы принять очередную ложечку с кисловато-сладкой душистой кашей. После грудного кормления Лена взвешивала дочку, положив на специальные весы, похожие на огромный детский совочек. Иногда забегала Мила. Она рассказывала о делах их, теперь уже третьего, курса, все о тех же зачетах да экзаменах, которые теперь Лене были абсолютно неинтересны.

Похоже, что и Милу не увлекали рассказы молодой мамочки о достижениях своего ребенка. Она вновь переводила разговор на институтские темы, вспомнив об очередной студенческой паре, которая собиралась играть свадьбу.

Иногда по выходным Фимка и Мила ездили на лыжах за город. Лена не возражала: Фимкиным слабым легким требовался свежий воздух. Да и ревновать к подруге у Лены, кажется, оснований не было.

Просто Фимка был большой ребенок, который еще не наигрался и не набегался.

Елена не оценила опасности присутствия подруги в своем доме. Однажды, меняя Ефиму носовой платок, она обнаружила в кармане его пиджака записку, написанную почерком Милы. Ошибиться Елена не могла. В записке было приглашение Ефиму зайти к ней домой. Причем особо отмечалось, что родителей дома не будет. Елена не понимала, зачем надо прибегать к записке, когда есть телефон. Может, Мила заходила к Ефиму на работу, и присутствие посторонних мешало их разговору? Так или иначе, осталось «вещественное доказательство». Привожженный Лениными расспросами, Ефим, против ожидания, не стал отпираться и признался в связи с Милой. Вначале он был агрессивен: пошел в наступление, высказав подхваченную им у кого-то мужскую премудрость, что от заботливых женщин мужчины не уходят. Он упрекнул Елену, что она перестала уделять ему внимание, переключив его полностью на дочь. Елена попыталась в тот же вечер, взяв ребенка, уйти к матери. Но когда она с Женькой в одной руке и сумкой с ее ползунками и распашонками в другой вышла в коридор, Ефим бросился перед женой на колени. Уткнув свой длинный, острый нос ей в бедро, он, всхлипывая, просил прощения. Обещал, что такое больше не повторится. Старшие Дворкины ушли в этот вечер в гости и не видели безобразной сцены.

Простить измену любимому человеку Елена не смогла бы. Но Ефима она не любила, а потому скоро свыклась с его неверностью. Она подозревала, что, кроме Милы, у него есть и другие женщины.

Но главное, что заставило ее смириться, – Ефим был отцом ее ребенка. Она, сама выросшая без отца, не хотела для дочери повторения своей судьбы. Елена простила даже Милу. Позднее они вновь стали общаться, оказавшись вместе в одной лаборатории института «Магнит». Хотя теперь это были просто приятельские отношения на работе. В дом Дворкиных Милу больше не приглашали.

* * *

Еще на лестнице Елена услышала запах жареной картошки. Значит, Женя была дома и готовила ужин.

11

Игорь окончательно проснулся под всхрап Ольги. Жена с приоткрытым ртом распласталась на спине, заняв и его половину кровати. И это были первые звуки, вернувшие Игоря к реальности. До этого момента он пребывал в полудреме, стремясь подробнее разглядеть уплывающие образы сновидения. Сон поначалу почти повторял реальный случай с бывшей секретаршей (уже месяц, как Юля работала в другом месте). Обстановка его офиса предстала с документальной точностью. Окошко под потолком, черный кожаный диван. Игорь не различал черт женщины, лежащей под ним, но знал, что это Юля. Он утыкался губами в мягкую ложбинку на ее груди, жадно осыпал поцелуями ее шею, тянулся к ее губам. И вдруг понял, что это не Юля, а Елена.

С еще большей страстью он впился в ее приоткрытый рот, но тут же пелена ее волос поставила преграду его губам. И не было сил отвести ее. Игорь почувствовал, что рот его забит спутанными волосами. Да и само тело женщины, которое поначалу казалось Леной, стало твердеть и излучать холод.

Он ощутил под своим животом нечто неживое, быть может, статую или мертвеца. Последний «кадр» – соитие с неподвижным телом – впечатался в память особенно отчетливо, затмив приятные сцены сновидения. Лена – живая и страстная, и спустя мгновение – чужое мертвое тело.

Игорь открыл глаза: живот холодила легкая струя воздуха из приоткрытой форточки. Опять Ольга стянула одеяло на себя. Он осторожно, стараясь не разбудить жену, прикрылся краем одеяла. Храп затих.

Теперь в спальне слышалось лишь легкое посапывание спящей. Игорь понял, что больше не уснет. За окном проплывало освещенное розоватым рассветом облако. Игорь зацепился за него взглядом, стараясь разобраться в сложных ощущениях, вызванных сном. Лена, Лена. Казалось, все, связанное с ней, потонуло в прошлом. И вот опять... Видимо, последняя встреча с ней всколыхнула забытый пласт его жизни.

Ольга между тем тоже проснулась. Ее мягкое, теплое спросонья тело придвинулось к его спине. Пухлая рука мягко проплыла по его затылку и, сжав плечо, слегка развернула Игоря на себя. Сильные и большие, как подушки-думки, груди подперли его расслабленный позвоночник.

– Ну, Игорек, давай хоть утром...

Игорь молчал, стараясь выбраться из объятий жены.

– Иди ко мне, мой котик, – детским голоском еще раз позвала Ольга. – Разве ты не хочешь помять свою «подушечку»?

Именно так называл ее когда-то в минуты нежности Игорь. Но кажется, сейчас ее «прелести» мужа не волновали. Ольга погладила его «заветный ключ», но тот, как пустой шланг, безвольно колыхнулся из стороны в сторону. После нескольких неудачных попыток завести мужа Ольга отступила, но раздражение овладело ею.

– Похоже, что ты где-то уже накормился, – зло проговорила Ольга. – Не зря меня Лешка предостерегал насчет твоей разлюбленной секретарши, говорил, что она в моих заместителях ходит.

Вот трепло, наплел-таки сестрице, подумал Игорь, а вслух отозвался:

– Что за глупости, Олюшка! У меня в офисе вообще нет секретарши. Все самому делать приходится.

Устаю как черт. Извини. Да и вставать тебе пора, уже почти семь, давай не будем заводить. Ты же наспех сама не любишь!

Ольга посмотрела на часы и откатилась на свой край кровати. Чуть отстав, за ней последовали подушки-думки. Может, Игореха не врет, кто его знает, а время в самом деле уже поджимает.

Обычно Ольга вставала раньше Игоря. И не только потому, что обязанности хозяйки призывали ее к этому. Они с сыном Дениской и из дома выходили раньше. Денису в гимназию, а Ольге в НИИ следовало поспеть к девяти. Игорь же, как и большинство работающих в частных фирмах, начинал свой рабочий день не раньше одиннадцати. И уж конечно, никто не отмечал по секундомеру, как когда-то табельщица в НИИ, приход шефа в собственный офис.

Завидуя мужу, что тот может еще поваляться в постели, Ольга поднялась. Конечно, думала она, натягивая шелковый цветастый халат, Игорь не раз предлагал и ей оставить малопочтенную теперь работу в НИИ и сидеть дома. Но Ольга с каким-то советским, как называл его Игорь, упрямством цеплялась за статус инженера, который в эти сумбурные годы реформ внезапно поблек. Но дело было не только в статусе.

Сотрудники НИИ, не получавшие зарплаты и заданий, превратили место своей работы в клуб. Здесь обсуждались семейные коллизии, политические перестановки, события в мире. Одним словом, общались.

И в этом заключалось главное удовольствие для Ольги, ради которого она мирилась со многими неудобствами. Ольга не могла обходиться без общения. Сейчас она гремела кастрюлями на кухне, что выдавало ее раздражение. Игорь приподнялся в кровати, подложил под спину подушку и взял с тумбочки пачку листов. Это был машинописный экземпляр рукописи, предложенный его издательству. Главы рукописи отделялись одна от другой стилизованными сердечками, проткнутыми стрелами. Оформление, по замыслу автора, должно было подчеркивать суть повествования.

А представленный трактат был посвящен любви во всех ее проявлениях. Половину книги занимали описания затейливых способов совокупления. Тут же прилагались эскизы рисунков. Во второй части излагались романтические истории вроде трагедии Абеяра, кастрированного за вероотступничество. Его безнадежная любовь к Элоизе была наполнена отчаянием и страстью. Игорь покачал головой. В платоническую любовь он не верил. Пожалуй, секс без чувств еще возможен. Но чувства без секса? Такого не бывает!

* * *

– Игорь, завтрак готов! – выкрикнула из кухни Ольга. – Ты с нами будешь или как?

– Спасибо, оставь на столе, я попозже встану.

Ольга громко захлопнула дверь кухни. Игорь мысленно поблагодарил жену. Шум, который источала кухня, был невыносим. Перепалка Ольги с Денисом, громкие звуки радио, шум льющейся воды, стук случайно упавшей табуретки. Окунаться в этот содом Игорю не хотелось.

Он вновь обратился к рукописи. Нет, в таком виде она не подходит для издания. Позы и любовные ухищрения на книжном рынке пойдут хорошо.

Но романтические истории явно не ко времени.

Игорь отложил на тумбочку объемную рукопись и взял пухлую тетрадку «Сказки по математике».

Автор П.А. Святенко. В ровных клеточках выстроились аккуратные, ровные цифры и буквы, выведенные четким учительским почерком. Это будет востребовано. Шурка порадует, что издано наследие его отца!

Возня семейства наконец переместилась в дальний конец квартиры, в прихожую.

– Где мой зонт, кто его брал? – врвался в передаваемый по радио прогноз погоды голос Ольги.

– Да здесь он, за сумкой, – басил Денис, – слушай, ма, подкинь бабок, я сегодня на день рождения к Сашке иду.

– Это какой Сашка, со двора или из гимназии? – допытывалась Ольга.

– Не какой, а какая, – пояснил Денис.

Входная дверь хлопнула, теперь гулкие, но уже неразличимые слова слышались с лестницы.

Наконец все стихло. Игорь отложил тетрадку, с чувством облегчения потянулся и резко откинул одеяло. Быстро натянул синий спортивный костюм, всунул ноги в мягкие, суконные тапки и привычно прошлепал на балкон. Солнце еще не успело осветить комнату, но уже бросало косой луч на фасад здания. Игорь почувствовал слабое прикосновение к щеке робкого луча и еще раз потянулся, разводя руки в стороны. Затем достал сигарету, затянулся.

Станный сон не выходил из головы. Удивительно, какие чувства оживил в нем этот сон. Столько разных событий случилось за эти годы. Казалось, все позади.

Разрыв с Елкой, отъезд на север. Работа в Архангельском политехническом институте (Игорь преподавал там электротехнику, а Ольга была лаборантом в кабинете физики). Из Архангельска Игорь возвратился уже в другой мир. Впечатления от встречи с родным городом были столь необычны, что отодвинули на задний план годы, проведенные на Севере. НИИ, где он прежде работал, практически распался. Многие сотрудники, включая и Лену, покинули его. Не требовались преподаватели и в питерских вузах. К счастью, на Севере Князевы успели сделать кое-какие сбережения и, в отличие от многих, не доверили их сберкассе. Игорь, повинаясь веянию времени и развитой интуиции, сразу оформил частную фирму, дав ей название, которое перекликалось с его именем, – «Игрек». Предпринимательская деятельность оказалась похожей на игру в чехарду. Прибыль и потери, взлет и крах, к счастью неполный, – все пришлось пережить за последние полтора года. Сейчас в активе Игоря была приличная тачка, свой скромный офис, некоторые связи на рынке недвижимости да пара десятков книг, изданных фирмой. Разумеется, вся эта суматошная жизнь отодвинула в самый дальний закуток его чувства к Лене. И вот, дверца этого закутка приоткрылась. Оказалось, Лена, как в темнице, томилась там все долгих семь лет. Но образ ее, несмотря на отсутствие света в темноте подсознания, не потускнел. Напротив, он заиграл новыми красками, лишь только распахнулись двери темницы.

С высоты балкона мир казался маленьким и суетным. Город уже просыпался, внизу сновали будто игрушечные автомобильчики. И собственные дела вдруг показались Игорю мелкими, незначительными. Ветер приятно охлаждал щеки, но отбрасывал искорки пепла на рубашку. Игорь докурив сигарету и аккуратно вмял ее в жестяную консервную банку, замечавшую пепельницу. День уже начался.

Игорь прошел в ванную, затем на кухню. Подогрел в микроволновке оставленный Ольгой завтрак (большую отбивную котлету с пюре из концентрата). Закончив «обязательную» часть трапезы, он приступил к приятной. Заварил в ковшике крепкий кофе и налил его в маленькую чашечку. Когда чашечка с кофе опустела, решение позвонить Елене сформировалось окончательно.

Оставалось придумать предлог. Ба! Игорь хлопнул себя по лбу. Елена ведь тоже дочь этого учителя, автора «Сказок по математике». Вот отличный повод обратиться к ней.

Сердце Игоря учащенно билось. Нелегко вступать в одну и ту же реку дважды! Тонкими, гибкими пальцами он пробежал по клавишам телефона.

Теперь глухие удары сердца перемежались с далекими гудками.

– Алло! – Высокий девичий голосок на том конце линии озадачил Игоря. Размышляя о Лене, он как-то совсем забыл о ее дочери. – Алло?! – повторилось в трубке.

– Будьте добры Елену Павловну, – модулируя строгую интонацию, попросил Игорь.

– Мама, тебя какой-то мужчина, – слышалось где-то в глубине никогда не виденной Игорем квартиры. – Басит, как медведь.

– Слушаю. – Голос Лены был ровен.

Звонок мужчины не удивил Елену: постоянные рекламодатели часто звонили к ней домой, так как застать ее в агентстве было трудно. Наверно, и сейчас звонит очередной клиент.

– Елка, здравствуй, это я, – сказал Игорь и замолк.

– Здравствуй, Игорь, – отозвалась Лена после заметной паузы.

– Я хотел... переговорить с тобой... по поводу сотрудничества с нашим издательством. – Игорь почти без запинки произнес заранее заготовленную фразу.

– Спасибо. Мне казалось, что я уже ответила тебе. Своей работой я довольна.

– Да, конечно, – поспешно сказал Игорь. – Но тут особое обстоятельство. Понимаешь, Шурик передал нам рукопись вашего отца, а у меня почти все сотрудники уволились. Может, ты согласишься поработать над ней? Ты же должна быть грамотеем, как дочь филолога, – пошутил он.

Елена действительно была безукоризненно грамотна. Странно, что Игорь попал в точку. Хотя что ж тут странного. Она работала под его началом в НИИ и писала обстоятельные научные отчеты. Возможно, Игорь тогда обратил внимание, что у нее нет проблем с орфографией. Разумеется, она справится и с этой работой, как с любой из многих, которые выполняла в последнее время, но... сомнения охватили Лену. Опять находиться рядом с Игорем, видеть его, разговаривать. Разве не дала она себе зарок, что не вернется к этому! Но с другой стороны – это книга папы. При жизни он так и не дождался ее выхода. Елена вспомнила, как отец мечтал об издании. Отдельные главы даже давал читать ей.

Елена молчала долго. Игорь даже решил, что телефонная связь прервалась. Он подул в трубку:

– Елка, ты меня слышишь?

– Да, Игорь, слышу. Хорошо. Я попробую. Правда, у меня мало свободного времени. Тебе срочно?

– Не горит, – успокоил ее Игорь и тут же осторожно спросил:

– А какие у тебя отношения с компьютером? Умеешь работать на нем?

– Немного знакома. В нашем НИИ, перед увольнением, подучилась. Но у меня нет компьютера. Разве речь идет не об обычной корректорской правке гранок?

– Корректорская правка – это заключительный этап. Вначале ввод текста в компьютер, потом редактирование. А там и верстку освоишь. Я у тебя дома установлю настольную издательскую систему. Раз ты работала на компьютере, проблем не будет. У меня, кстати, почти все сотрудники – надомники.

– Ты же сказал, что они уволились! – подловила Игоря Елена.

– Нужные уволились, – пошутил Игорь. – Лучше тебя с рукописью твоего отца никто не справится. Ты же и рисовать умеешь. А там много схем и иллюстраций. Так когда тебе привезти компьютер?

– Я позвоню. В эти дни у меня много заказов.

Разве что в воскресенье...

Воскресный день не входил в планы Игоря. Объяснять Ольге свое отсутствие в выходной день было затруднительно. Но возражать Елене не хотелось: он с таким трудом уговорил ее.

– Только звони лучше на работу, дома меня трудно застать, – зачем-то добавил он.

– Ну разумеется, – хмыкнула в трубку Лена, – не стоит беспокоить святое семейство.

Игорь сразу почувствовал перемену в голосе Лены. Черт его дернул намекнуть ей о нежелательности звонков домой. Лена и сама ему ни за что не позвонила бы: слишком хорошо Ольга знает ее голос. Игорь положил трубку на рычаг. Постоял в задумчивости и прошлепал в свой кабинет. В пустой квартире только шорох его тапок нарушал тишину.

* * *

Разговор с Еленой расстроил Игоря: сухие интонации, язвительные замечания. Нет, он ожидал другого. Разве так она общалась с ним прежде? Где тот девичий трепет, который, правда, когда-то вызывал в нем лишь усмешку. Игорь открыл ящик стола и достал объемистую папку, заполненную письмами, открытками, записками. Это была лишь небольшая часть любовных излияний, обрушенных на него девушками в юные годы, до женитьбы на Ольге.

(Письма последних лет он предусмотрительно уничтожал.) Игорь долго рылся среди вороха бумаг. Где же тот маленький листок из школьной тетради? Вот он! Игорь развернул сложенный вчетверо листок в клеточку. За много лет бумага пожелтела, крестом обозначились сгибы. Полузабытый почерк вновь воскресил диковатую школьницу, которая, мучаясь у доски, не могла составить уравнение.

«Дорогой Игорь Дмитриевич!

Спасибо Вам за уроки электротехники, которые Вы даете с таким мастерством. Я искренне полюбила этот предмет и теперь иду на техминимум как на праздник. Мне также не безразличны Вы сами, Ваш голос, Ваша походка, Ваш блоковский профиль.

Извините, что я обращаю внимание на внешние черты, но ведь, как известно, в человеке все должно быть прекрасно. И я вижу в Вас прежде всего Человека. Как бы я хотела быть с Вами рядом, вместе работать, помогать во всем. К сожалению, я пока лишь обычная школьница, а Вы почти инженер. Но если Вам понадобится какая-нибудь помощь: перечертить схему, нарисовать электрическую цепь и т. п., я всегда готова Вам помочь. Я изучала рисунок и неплохо умею пользоваться рейсфедером.

Мой телефон:...»

Далее следовала подпись: Лена Ясенева. Из осторожности или врожденного благородства Игорь всегда отрезал подписи авторов любовных записок, а потом благополучно забывал, кому они принадлежали. Но такую записку разве забудешь?! Начинаящему преподавателю трудно было удержаться от хвастовства. Ведь записка косвенно подтверждала его педагогическое искусство. Он показал ее другу. Тот лишь усмехнулся и назвал автора записки «дитя технического века». Больше Игорь никому ее не показывал, но сохранил вместе с другими подобными. Хотя сейчас Игорь полагал, что подобных не было. Ему писала робкая девочка, воспитанная матерью-учительницей, все усилия которой были направлены на то, чтобы дочь получила профессию, поступила в институт и прочее, прочее.

Она действительно была тогда наивным ребенком. Как жаль, что он не разглядел в девочке-отличнице истинную умницу, которая открылась ему позднее. Умницу, понимающую не только хитросплетение формул, но и тонкости душевных переживаний. А может, ей следовало проявить тогда больше настойчивости?

Очень скоро после женитьбы стало очевидно, что его брак не удался. И брак Елены, как выяснилось, не принес ей счастья. Игорь тяжело вздохнул и положил на место дорогой ему листок. Аккуратно завязал тесемки на старой папке. Как болезненно ощутил он сейчас разьединенность с близкой ему по духу – теперь он в этом не сомневался – Еленой. А ведь счастье было так возможно. Какой он был дурак!

Игорь рано обрел независимость. Гибель обоих родителей в автокатастрофе повергла его в отчаяние. Как дикий зверь, вырвался он из самого себя.

Бесшабашные студенческие вечеринки помогали ему забыться. Его квартира была распахнута для всех знакомых и незнакомых гуляк. Игоря – серебряного медалиста школы – чуть

не отчислили со второго курса за неуспеваемость. Лишь перспектива оказаться в армии притормозила его загул. Груда учебников и конспектов на столе сменила батарея винных бутылок.

И тут на помощь пришла обстоятельная Ольга. Она решительно отвадила всех гуляк из его квартиры. Она давала ему свои конспекты, помогала делать расчетные задания. Ольга стала для него всем: кухаркой, домработницей, любовницей. Четверокурсник Игорь Дмитриевич, аккуратный и обязательный, каким его увидела Елена, во многом был обязан своей подруге Ольге Ерофеевой. Впоследствии, когда Ольга стала его женой, Игорь понял, что все имеет обратную сторону, за все приходится платить. Постепенно Ольга из незаменимой помощницы превратилась в домашнего деспота. Обруч ее требований, назиданий, жесткого контроля сковал его. И он словно бы раздвоился. Один Игорь, ставший добычей жены, как бы в отместку ей, развлекался со случайными «девочками», лгал и изворачивался. Другой все больше замыкался в себе, ощущая свое одиночество. Он скучал на шумных застольях, избегал назойливого внимания доступных красоток, сторонился бесконечных интриг на телестудии, где работал инженером по звуку.

На телестудии платили мало, и Ольга настоятельно требовала, чтобы Игорь сменил работу. Она в то время состояла в профкоме НИИ «Магнит» и помогла ему получить должность начальника лаборатории. Это было последнее подневольное решение в его жизни. В дальнейшем он все решал самостоятельно.

Очередной поворот в жизни Игоря привел его тогда к новой встрече с Еленой. Теперь они стали коллегами. И не только. Игорь с удивлением обнаружил в женщине равного себе человека. Ему открылось то, что раньше было скрыто за строгим форменным платьищем школьницы: талант, решительность, гордость.

Перед ним была творческая личность, способный инженер и очень привлекательная внешне женщина.

Казалось, что вместе со школьной формой она сбросила и какую-то угловатость, застенчивость, «ненормальность», которая отпугивала Игоря-стажера. «Хотя нет, – улыбнулся Игорь новому воспоминанию, – странности Елки остались при ней!» Игорь снова закурил и взглянул на часы: через час встреча с прорабом, ремонтирующим его офис. Пора двигаться.

12

На улице окончательно рассвело. Игорь мчался на своем джипе по широкому Московскому проспекту, не встречая преград. И снова мысли его катились в глубь пролетевших лет, будто сани с горы.

Он вспоминал историю, ставшую заключительной в их отношениях. Прошло почти семь лет с той памятной весны. Год был памятен и для страны. Чернобыльская катастрофа встряхнула всех, заставила иначе взглянуть на жизнь.

Незадолго до этой страшной даты Игорь и Елена были направлены в командировку в маленький, южный городок, недалеко от места страшной аварии.

С ними была и третья сотрудница, Людмила, она же Милка, прежняя однокурсница Елены. Все втроем проводили на заводе целые дни. До позднего вечера шли испытания нового прибора. Расчеты, переделки и вновь испытания. После работы Елена с Людмилой уже не выходили из своего номера, занимаясь немудреным хозяйственным бытом. Все приглашения Игоря: пойти в кино или просто прогуляться – Елена неизменно отклоняла. Но в этих ее отказах Игорь улавливал какое-то сожаление – она словно поставила барьер самой себе. А Игорь не умел останавливаться на полпути.

И вот, страшное известие. Городок, куда они были командированы, по счастью, не пострадал при радиоактивном взрыве, даже и находился неподалеку.

Ветер отогнал зловещее облако в другую сторону. Но почти осязаемая близость «конца света» встряхнула Игоря, заставила его действовать решительнее. «Надо только немного дождать, – думал он. – Ведь взгляды Елки красноречивее ее слов». Создать благоприятную ситуацию ему позволило его служебное положение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.